

ВЯЧЕСЛАВ КАЛИКИНСКИЙ

ЛЕГИОНЕР

КНИГА ПЕРВАЯ

1C
паблишинг

Вячеслав Каликинский

Легионер. Книга первая

«1С-Паблишинг»

2022

Каликинский В. А.

Легионер. Книга первая / В. А. Каликинский — «1С-Публишинг», 2022

Вячеслав Александрович Каликинский – журналист и прозаик, автор исторических романов, член Союза писателей России. Автор известен своей серией книг «Агасфер» – пятью увлекательными шпионскими ретродетективами, посвященными работе контрразведки в России конца 19 – начала 20 века. В этот раз мы хотим представить еще один большой труд автора, одну из лучших его книг, посвященную судьбе реальной исторической личности – Карла Ландсберга – блестящего офицера, оступившегося и ставшего преступником, но, в итоге, через искупление и лишения принесшего много пользы нашей стране. Есть версия, что именно Ландсберг был прототипом героя знаменитого романа Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова, хотя биографии у них конечно значительно отличаются. Он блистал в высшем свете Санкт-Петербурга. Ему прочили стремительную карьеру – вплоть до министерской. Он рухнул с этой лестницы, не добравшись и до ее середины. Сверкающий мир исчез за глухими тюремными стенами. Вслед за приговором общества свой приговор вынес Ландсбергу и преступный мир – те, кого сегодня называют ворами в законе. Читайте первую книгу истории. Издание второе, исправленное и дополненное

Содержание

От автора	5
Книга первая. Что ты наделал, Карл?	7
Пролог	7
Глава первая. Переполох в Гродненском переулке	17
Глава вторая. Круг сужается	36
Глава третья. Императорские думки	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Вячеслав Каликинский

Легионер. Книга первая

От автора

Дорогой друг!

Если ты читаешь или слышишь эти строки, значит, тебе интересна история нашей страны. И я рад этому, потому что под обложкой моей книги собрано немало исторических персонажей. Имена многих героев «Легионера» широко известны даже в наше, увы, не слишком просвещенное время. Император Александр II, замечательный русский юрист Кони, гений русского сыска XIX века Путилин, знаменитая Сонька Золотая Ручка...

Далее по «убывающей» упомяну графа Тотлебена, фактическую супругу императора Александра II Екатерину Долгорукую, военного губернатора Сахалина Ляпунова, «белого генерала» Скобелева, обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева – их нынче знают только профессиональные историки...

При работе над этой книгой мне удалось поименно назвать большинство «делателей истории» непростого для России времени. А это значит, что большинство персонажей в «Легионере» – реальные люди.

А объединяет их всех Карл фон Ландсберг. Едва ли не единственный каторжник, которого, по мнению А. П. Чехова и В. М. Дорошевича, не смогла сломать жесткая пенитенциарная система. Потомок крестоносцев, блестящий гвардейский офицер элитного батальона, жених фрейлины Императрицы – одной из дочерей того самого Тотлебена, Карл фон Ландсберг неожиданно для всех окружающих и себя самого совершил тяжкое преступление и был приговорен к каторжным работам в рудниках.

Судебный приговор лишил фон Ландсберга дворянства и всех прав состояния, вычеркнул его из разряда живых – и одновременно сделал несчастным объектом пристального внимания высокопоставленных заговорщиков. Судебный приговор озлобил героя двух войн Ландсберга. Почему бы не воспользоваться этим? Почему бы не направить его злость в нужное русло? И вокруг вычеркнутого из жизни начинает плестись многоходовая интрига.

* * *

Моя работа над романом продолжалась восемь лет. Признаться, порой автор сомневался в том, что книга когда-нибудь будет издана. Наверное, именно поэтому первый «Легионер» получился таким объемным – более 800 страниц текста. «Тяжесть» романа оказалась для автора почти роковой: многие покупатели брали книгу в руки и... снова ставили ее на книжную полку. Людям более привычно чтить объемом 150–200 страниц.

Но тираж, тем не менее, был распродан! Автору стали писать не только благодарные читатели, но и те, кто только слышал о «Легионере». Те, кто хотел приобрести второй экземпляр для друга. В моей почте скопилось более трехсот писем-заявок на «Легионера» – не считая сотен просьб, услышанных автором на читательских конференциях и встречах с читателями.

Книгу все же заметили. И не только в России. По запросу библиотеки Конгресса США «Легионер» в числе немногих книг российских авторов отправился через океан. Нашел свое место роман и на полках Славянского центра Университета Саппоро в Японии.

Нынче автор решился на второе издание. Теперь это серия из четырех книг – по числу жизней, прожитых Карлом фон Ландсбергом.

* * *

Книга первая. Что ты наделал, Карл?

Пролог

...Холодные порывы ветра с Невы трепали полы шинели, ножны сабли глухо брякали по каменным балясинам ограждения Каменного моста. Фуражки на нем не было – то ли он оставил ее на квартире у Власова, то ли ветер сбросил, когда он бездумно, не видя ничего перед собой, шел из Гродненского переулочка куда-то в темные лабиринты улиц Северной столицы России.

Что же ты наделал, Карл?

Он не разгадал в последнем глумлении Власова его очередную злую шутку. Да и была ли то шутка? Так долго, без малого целую неделю – старик над ним не издевался доселе никогда!

* * *

– Что-с? Что вы там лопочете, милостивый государь?

– Егор Алексеевич, помилуйте! Неужели запомнили? Когда вы изволили предложить мне последний заем, я ведь сразу сказал, что скоро вернуть не смогу! А вы еще рукой этак махнули – помните? Пустое, дескать! Сказали, чтобы я брал деньги и не сомневался ни в чем. Настаивали даже, говорили, что вам эти деньги ни к чему пока... Нешто запомнили, Егор Алексеевич?

– Не дерзи, щенок! Ишь, глазищами своими сверкает как! Не испугаешь! Да-да, ты с четырнадцати лет в моем доме поселился! Имею полное право! Это ты в батальоне у себя герой и кавалер, а для меня, у меня в доме – пшик! Да, я тогда говорил! Мало ли что говорил – тогда не нужны были деньги, а вот нынче потребовались, да-с! А уговор был – возвернуть по первому требованию!

– Я уже написал брату, в поместье...

– Что-с? Он написал брату! Да твой брат такой же голозадый, как и все вы, Ландсберги! Где он, позвольте осведомиться, возьмет пять тыщ? В вороньем гнезде сыщет? Извольте отвечать, господин прапорщик, намерены ли вы сегодня, в крайнем случае завтра, вернуть мне долг?

Ландсберг судорожно вздохнул, гася в груди ярость и отчаяние.

– Вы прекрасно знаете, Егор Алексеевич, что у меня стесненные обстоятельства. Извольте, я готов переписать вексель с обязательством вернуть вам долг после моей свадьбы. С процентами, которые вы вольны назначить сами!

– Свадьбы? Да будет ли эта твоя свадьба? Вот пойду я к твоему будущему тестюшке, его сиятельству графу Тотлебену, да и расскажу ему все про тебя! Про твои долги, про твое мотовство... Про расчеты твои поправить денежные дела выгодной партией с его дочкою! А? Каков сюрприз будет?

– Это было бы с вашей стороны просто низко, Егор Алексеевич! Низко и недостойно порядочного человека и дворянина. Тем более вам хорошо известны мои привычки и бережливость – помилуйте, какое мотовство? Вынужденные траты в связи с приближающейся свадьбой, расходы, которые ложатся на всякого гвардейского офицера столичного гарнизона...

– Хе-хе! Да, я так, пожалуй, и сделаю! Сперва хотел было нанести визит твоему командиру, князю Кильдишеву, пожаловаться ему на обиды, чинимые старику его офицером. Да ведь

полковник и не примет меня, пожалуй, по такому пустячному для господ офицеров вопросу! Сам, я слышал, по шею в долгах. А вот к его сиятельству графу – оно вернее будет!

– Надеюсь, вы шутите, Егор Алексеевич! – глухо пробормотал в отчаянии Ландсберг.

Однако старый отставной чиновник и бывший квартирный хозяин Ландсберга продолжал хихикать, вертеться на диване и, поглядывая на растерянного и униженного гостя, вслух строить планы относительно молодого офицера – один коварнее другого.

В голове Ландсберга был полный хаос. В какой-то момент, не помня себя, он выхватил свой складной саперный нож, привычно раскрыл и бросился к дивану. Обхватил левой рукой шею Власова, рывком приподнял тяжелое тело вверх, задрал жертве голову и полоснул длинным лезвием ниже своего локтя. Плоть легко поддалась, с легким, словно бумажным, хрустом и треском. На домашний халат старика толчками хлынула густая кровь...

Ландсберг с усилием, помогая второй рукой, разжал схваченный спазмом локоть. Тело Власова мягко шлепнулось обратно на диван, пошевелило ногами и замерло. Рот на нелепо повернутой голове несколько раз открылся и закрылся. Страшное дело было сделано.

Что же ты наделал, Карл Ландсберг?

Не отрывая глаз от тела Власова, он несколько раз с силой провел рукой по лицу, словно снимая с него нечто липкое, гадкое. Сердце билось где-то высоко в шее – часто и непривычно громко.

– Дело еще не сделано! – громко, словно глуша собственную совесть, выкрикнул Ландсберг. – Коли так случилось... Векселя, надо искать проклятые векселя! Иначе зачем все это?

Ландсберг знал, где у Власова хранился старенький, еще с былой службы, желтый портфель свиной кожи, в котором старик держал все свои ценные бумаги. Старик доверял своему бывшему квартиранту, и много раз при нем доставал этот портфель из-за массивного шкапа в углу кабинета. Там портфель оказался и сейчас. Ландсберг рванул застежки, вытряхнул содержимое портфеля на бюро, начал быстро перебирать бумаги, и с ужасом убедился, что его расписок и векселей тут нет!

Он застонал: старый негодяй перепрятал их! Наверняка вспомнил, что Ландсберг знает его тайник, и проявил предусмотрительность... Впрочем, надо перебрать бумаги еще раз – а вдруг?..

Несколько чужих векселей и расписок, пачка облигаций, прошитая по углу суровой ниткой, стопка каких-то давнишних писем, перевязанная красной ленточкой, еще письма – от брата Власова, который, как знал Ландсберг, учительствовал где-то в провинции, счета, квитанции... Все это Карл зрительно помнил. Новым здесь был разве что большой конверт, облепленный какими-то виньетками с розами, амурами и прочей чепухой.

Ландсберг отбросил было в сторону и конверт, однако, повинувшись какому-то наитию, вновь схватил его, вытряхнул содержимое поверх прочих бумаг. Ага! Он увидел, свои расписки, узнал свой почерк! Все бумаги были здесь, на месте, сколотые большой вычурной золоченой скрепкой в виде опять-таки Амура. Совсем рехнулся старик, право!

К распискам и векселям был присоединен лист бумаги, явно дорогой, с водяными знаками – в лавке такую бумагу для торжественных случаев Ландсберг видел по пятиалтынному, не меньше! А на бумаге он увидел свое имя – «Барону фон Ландсбергу». А ниже... Пробежав бумагу глазами, Ландсберг попятился от стола, наткнулся на кресло, упал в него.

«Мой дорогой и драгоценный воспитанник, Карлуша! Имею честь и удовольствие поздравить Тебя с торжеством Бракосочетания! От души надеюсь, что Счастье и Блаженство твоей супружеской жизни никогда не омрачат беды и невзгоды. Как и твоей Избранницы!»

При сем прилагаю свой скромный, однако от всей Души Дар – твои долговые обязательства, должным образом погашенные и таким образом

закрытые! Помни старого Чудака, принимавшего в Тебе долгие годы самое деятельное Участие. Искренне Твой – Егор Алексеев Власов.

Post-Skriptum: Ввиду своих преклонных лет и того, что Господь наш Всемогуший каждому чаду своему отмерил известный только Ему срок, после истечения коего Господь призывает всех нас к Себе, я сочинил и заверил у Нотариуса г-на Дрейера, тебе известного, еще одну бумагу. Однако, не желая омрачать День твоего Бракосочетания подобными мыслями и настроениями, копию сей бумаги к своим Поздравлениям не прилагаю. Когда Господь призовет меня к Себе, ты найдешь сию бумагу в желтом портфеле, в известном тебе месте. А подлинник – у упомянутого мной Нотариуса».

Прочтя письмо второй раз, Ландсберг почувствовал вокруг себя холодную пустоту. Значит, все угрозы старика были все же несерьезны, а приводились лишь в поддержание глупой шутки... Более того, Власов, как выяснилось, был намерен не только отсрочить возвращение долга, но и вовсе простить сей долг. Он приготовил ему свадебный подарок.

Ландсберг, Ландсберг, что же ты наделал!

Он пожал плечами, вынул из кобуры револьвер, крутнул барабан, взвел курок. Все очень просто! Старик своей шуткой, не понятой им, фон Ландсбергом, просто не оставил ему другого выбора! Немедля застрелиться – и покончить со всем этим ужасом и позором!

Но прежде... Надобно, кажется, написать записку, попытаться объяснить. Попрощаться с Марией, с матушкой, сестрами, братом... Или уйти в небытие не прощаясь? А что вообще, интересно, люди пишут, прощаясь со всем светом?

Он встал на ставшие вдруг какими-то чужими ноги, дошел до бюро, вяло пошевелил рассыпанные бумаги. Да, вот и копия завещания старика... Разорвал без церемоний конверт, прочел. Все верно, все отписано ему, фон Ландсбергу, – шестнадцать с половиной тысяч рублей, вложенных в ценные бумаги, а также средства с банковского счета в сумме 840 рублей 56 копеек. Условий два: устроить старуху Семенидову в приличный пансион для вдов простого происхождения, коли означенная Семенидова переживет завещателя. Второе – выплачивать брату Власова ежегодно не менее 15 рублей – целиком или частями, на усмотрение наследника.

Спрятав лицо в ладони, Ландсберг снова рухнул в кресло и... заплакал. Последний раз плакал он совсем дитем, и почти забыл, как люди плачут, – сколько он себя помнил. То детское рыдание было бесцеремонно прервано отцом – старик грубо встряхнув младшего сына, прогремел ему в лицо: «Ландсберги никогда не плачут! Запомни это! Немедленно утрись, глупый щенок, либо отправись спать на конюшню!»

И отца уже давно нет, и никто не посмеет снова закричать на него: утрись и марш на конюшню, щенок! И вообще уже ничего нет. Вернее, совсем скоро ничего не будет...

Прошло какое-то время, и сотрясающие Ландсберга рыдания стихли, наступило оцепенение. Он сидел и прислушивался, как в мертвой тишине на диване что-то продолжает булькать и мерно капать на пол. Кровь...

Ну как, как он мог не подождать еще немного – пока старик не рассмеется своим визгливым тенорком, не обнимет своего Карлушу за плечи и не скажет: да, полно, полно, выюнош! Я ведь просто пошутил – изволь, я даю тебе еще полгода срока для возвращения долга. Или год...

Пошутил? Или все-таки в этой шутке была какая-то правда? Недобрый замысел? Ландсберг отчетливо припомнил обстоятельства предшествующей «шутки» Власова.

* * *

Узнав, что его, прапорщика фон Ландсберга, назначили заведывающим всей финансово-хозяйственной частью Саперного лейб-гвардии батальона, Власов сначала выпренно

поздравил протеже с назначением. А буквально на следующий день, призвав к себе запиской, затеял очень неприятный разговор об «агромадных возможностях, которые сулила для всякого умного человека сия должность». Сначала Ландсберг не поверил в серьезность сделанного ему недвусмысленного предложения. А старик сердился, даже прикрикнул несколько раз, велел прекратить улыбаться и – вот оно! – вспомнить о своем долге. Тогда, правда, этот долг был значительно меньше нынешнего.

Потеряв терпение, тогда Карл прямо попросил: сударь, перестаньте говорить намеками – к чему вы клоните? Скажите прямо – и покончим с этим!

– Ах, я тебе уже и сударем стал? Ах, Карлуша, Карлуша, две войны прошел, награды имеешь, а в житейском смысле мальчишкою остался! Слушай меня, пока старик жив!

И Власов тогда, наклоняясь, принялся громким шепотом излагать протеже свои планы относительно «утаивания малой толики непомерно больших средств, отпускаемых казною на содержание гвардейского батальона, на лошадиный корм, на квартирные, прогонные и командировочные суммы». Обещал свести с нужными и полезными людьми, уверял, что все нынче только так и живут.

Ландсберг брезгливо скривил рот:

– Не могу поверить, что все это вы, Егор Алексеевич, говорите серьезно. Опять шутить изволите? Однако тема для нынешней шутки, скажу вам прямо, совсем не кажется мне подходящей. Я боевой офицер, служу в отмечаемой самым Государем воинской команде! И не желаю даже шутить на подобные темы!

– Какие шутки, Карлуша? Помилуй...

И старик продолжал гнуть свое. Потеряв терпение, Ландсберг вскочил и, не прощаясь, выбежал из дома вон.

* * *

Вечером власовская прислуга Семенидова, ворча и жалуясь на больные ноги, принесла ему на казенную квартиру – дом Власова Карлом был покинут после его возвращения со Второй турецкой кампании – новую записку хозяина. Тот сухо уведомлял бывшего воспитанника об истечении срока уплаты долговых обязательств и предлагал явиться для немедленного улаживания денежных расчетов.

В тот вечер на квартире у Карла сидел его сослуживец, поручик того же Саперного батальона граф Марк Ивелич, только что вернувшийся откуда-то из провинции, с похорон очередной дальней родственницы. Заметив, как помрачнело и без того невеселое лицо Ландсберга, Ивелич без лишних церемоний спросил:

– Что, брат, неприятные известия? Что это за старуха была? Это ведь, кажется, прислуга твоего бывшего квартирного хозяина?

– Да-да, от него... Вот неумный старик, право!

– И чего ему надобно?

– Спроси чего полегче, брат! Понимаешь, Ивелич, я порой просто теряюсь! – Карл раздраженно отшвырнул стул, пробежался по комнате. – Знаю его лет шесть или больше – и все равно в тупик ставит! То лезет с займами, просто в карман деньги сует! Сердится, когда я колеблюсь брать, навязывает свое одолжение. Даже обижается, ежели денег не беру. Без всяких процентов дает, из отеческого, как уверяет, расположения – отдашь, мол, Карлуша, когда сможешь! Не торопись, дескать! Твое дело молодое, трать, коли надобно... А вот вчера, Марк, представь, как с ножом к горлу: подавай обратно долг, да и все тут!

– Много ли требует?

– Для меня много. Впрочем, неважно, не в этом суть. Разговор он вчера крайне неприятный для меня затеял. А сегодня продолжил. И долг вернуть потребовал, когда я категори-

чески отказался следовать его гнусным наставлениям. Я ушел, от греха подальше: у Власова и раньше такое случалось. То ли подагры приступ, то ли еще чего... Думаю себе: посердится, да и перестанет. А то еще и извинится за неуклюжесть свою стариковскую. Хотя, повторяю, вчерашний его экивок – из ряда вон. Посягательство на честь офицера и дворянина, можно сказать. И вот, извольте, вместо извинений – новое требование! Грозится к командиру нашему пойти, ежели не верну долг! И не только к нему...

– Да много ли ты ему должен?

– Пять тыщ, брат, – вздохнул Ландсберг. – Придется идти, объясняться, унижительно напоминать о его же настойчивости при даче займа...

– Плюнь, брат! – Ивелич подхватил с полу дорожный сак, с которым прямо с вокзала и приехал к Ландсбергу, раскрыл и вынул пухлый конверт с вензелем какого-то банка. – Вот, изволь! Пользуйся моей добротой, бери! Тетушка, помирая, вниманием не обошла. Спасибо ей, покойнице, скажи – в конверте пять тысяч с «хвостиком», как нарочно!

– Нет-нет, Ивелич, не возьму, Бог с тобой! Из одной полыньи да в другую – уволь, брат! Ты ведь и сам, кажется, кругом должен.

– Бери, Карл, не валяй дурака! – Ивелич быстро отсчитал нужную сумму ассигнациями, взвесил на ладони остаток. – Тут, брат, еще довольно осталось, хватит нам с тобой неделю покутить! Давно я не кутил, брат! Чур, только уговор: ты со мной!

– Нет, я, право, не могу, Марк...

– И слышать не хочу. Эй, денщик! – гаркнул Ивелич в сторону прихожей, где на своем сундучке привычно коротал время в ожидании приказаний денщик Ландсберга. – Как тебя там? Гусев? Поди сюда, прохвост, не смей спать! Вот, возьми деньги и отнеси бывшему квартирному хозяину господина фон Ландсберга. Знаешь адрес? Кругом – марш! Да не забудь расписку в получении с него взять, прохвост! Грамоту разумеешь?

– Никак нет, ваше сиятельство! – вытянулся во фронт денщик.

– Тьфу! Еще денег возьми, на обратному пути шампанского купишь. Да не в лавке какой попадая, а в приличном торговом заведении.

– Погоди, Ивелич! – Ландсберг попытался перехватить у денщика пакет с деньгами. – Марк, мне совестно, право...

– Плюнь, говорю! Престарелые родственники для того и существуют, чтобы даже после кончины неустанно печься о молодых потомках! – Ивелич, отменяя все возражения друга, махнул рукой и грозно повернулся к денщику. – Ты еще здесь, дурень?

Через час денщик вернулся с шампанским и... тем же пакетом, в котором понес Власову долг своего барина.

– Так что его благородие господин Власов денег не взял, – доложил он, кладя на стол принесенный сверток. – Велел ждать, покуда записочку напишет только. Ни в какую денег не взял...

– Так надо было насильно отдать и расписку стребовать, дурень! – рассердился Ивелич, проворно раскупоривая принесенные бутылки. – Ландсберг, он у тебя всегда такой малахольный?

– Погоди-ка, Марк! – попросил Ландсберг, читая послание Власова. – Ну, вот, просит не сердиться на обиду, причиненную единственно из желания быть полезным. Пишет: по скудоумию своему, мол, обидел. Просит дозволения лично принести извинения и объяснения... Погоди, а когда он придет, Гусев? Я ведь завтра с утра на службе!

– Так что его благородие господин Власов внизу дожидаются, – широко улыбнулся денщик.

Ландсберг и Ивелич переглянулись и захохотали.

– Поди, проси подняться! – покрутил головой Ивелич. – Во грех введешь своей простотой, Гусев! Ну, Карл? Каково получилось? И денежки целы, и кредитор с извинениями прибе-

жал! А ты говорил – «не надо, не могу!» Одно только досадно, что визит твоего кредитора, похоже, ставит крест на нашем кутеже! Его, чай, не скоро выпроводишь...

* * *

...Мокрое и тяжелое от крови полотенце, коим Карл наспех обмотал пораненную руку, пачкало шинель И Ландсберг, размотав его, бросил через перила моста в Неву. Поглядел на порезанную руку – кровь из раны продолжала обильно течь. Карл свободной рукой поискал было в карманах платок, не нашел. Оглянулся – совсем неподалеку, на Гороховой, ярко светил в ночи зеленый аптечный фонарь.

Аптека Фридланда, припомнил Ландсберг броскую вывеску в самом начале Гороховой, у Каменного моста, по которому он сейчас брел.

Его качнуло, и он ухватился за перила. Прежний боевой опыт подсказывал, что слабость в ногах – от большой кровопотери. Еще полчаса, и раненый в таком состоянии теряет сознание. А без поданной врачебной помощи может вообще тихо угаснуть. Уснуть и не проснуться...

Подумать только – основание мизинца подрезано – а сколько крови вытекло! Должно, артерия задета... И чего я дергаюсь, подумалось Ландсбергу. Возьму и сяду прямо тут, буду ждать, пока холод и кровопотеря не возьмут свое... Ночь, вокруг ни души... Не хватило духу застрелиться – может, так оно и к лучшему – просто уснуть?

Он стоял на мосту, покачиваясь от слабости и вяло пытался восстановить в памяти свои последние минуты, проведенные в квартире у Власова, рядом с его остывающим телом. Припоминалось смутно, как-то странно – словно Ландсберг наблюдал за страшными событиями со стороны.

Он не помнил, например, сколько раз он подносил ствол револьвера к виску. Было такое ощущение, что всякий раз что-то мешало ему нажать на курок. Что-то назойливо отвлекало от главной на тот момент задачи. В последний раз отвлекающим фактором стало возвращение в квартиру старухи Семенидовой.

Заскрежетал замок, потом стукнула входная дверь, послышался ее голос:

– Это я вернулась, батюшка... Ну и погода на дворе – прости, Господи, нас, грешных! А уж ветер, ветер-то какой злой.

Ландсберг встал и направился на голос: Семенидовой никак нельзя было заходить сюда, где лежал ее мертвый хозяин. Никак нельзя – сначала ему, Ландсбергу, надо непременно уйти из дома! Чтобы не слышать криков, не видеть неизбежной суеты...

По дороге в прихожую, а потом и в кухню, куда уковыляла старуха, он, спохватившись, сунул револьвер в кобуру – чтобы не напугать ее оружием.

Только не испугать? Сейчас, качаясь под порывами ледяного ветра с Невы, он отрешенно признавался сам себе: не испугать, а не спугнуть преждевременно!

Инстинкт гнал его к несчастной старухе, вся вина которой была в ее не ко времени возвращении. Еще мгновение – и она станет свидетелем. Этого никак нельзя было допустить! Любой ценой!

Его внутреннее «я» протестовало, бунтовало против мысли о единственном способе заставить ненужного свидетеля молчать... Оно уговаривало: ты же не природный убийца, Карл! И ты уже решил, совершив непоправимое, покончить с собой. А старуха помешала – приди она на четверть часа позже, все было бы кончено. Разве не так, Карл?

Нет, не так! Не так, безжалостно обрывал сам себя Ландсберг. Инстинкт самосохранения, стремление жить оказались сильнее. Он молод, а старики уже свой земной путь, почитай, прошли. Им надо «туда» раньше...

Семенидова на кухне разматывала с головы и шеи бесконечные платки, шали, расстегивала шубейку. Она мельком поглядела на появившегося в дверях Ландсберга, заворчала:

– Нешто уходите уже, батюшка? А чего ж меня, старую, в лавку за лимонадом гоняли? Погодка-то на дворе – добрый хозяин собаку не выгонит на улицу! Ветрищ-ще! Ну Егор-то Алексеич никогда прислугу за людей не считал – а вы-то молодой, с пониманием человек! Раз знали, что скоро уходите, – вот и сказали бы хозяину. Пожалели б меня, старую...

Ландсберг молчал. Старуха покончила с платками и салопами, пошла к плите, протянула над ней иззябшие руки.

– Чтой-то за запах в фатере стоит? – вдруг спросила она, поводя носом и все еще не глядя на Ландсберга. – Чижолый запах, ровно у мясника в лавке... Чудно даже...

Тут она обернулась, в упор по-стариковски прищурилась на молодого офицера.

– Батюшка, а с тобой чего такое? Белый, как стенка, глаза пустые... Опять с Егором Алексеичем поругамшись, никак?

Ландсберг молчал.

– И что ему, старому, неймется? – запричитала в голос Семенидова. – Меня днями напролет точит-точит, к соседям придирается, вас изводит... Как в отставку вышел – ровно сдурел, прости, Господи! Старый человек и сам в покое жить должен, и другим не мешать. А он...

Ландсберг молчал.

– Да чем воняет-то? – снова взвизгнула старуха и попыталась пройти мимо гостя в хозяйскую половину. – Егор Алексеич, батюшка, ты никак разлил там чего?

Остановившись на пороге кабинета, она вновь прищурилась – теперь уже в сторону дивана. И только теперь какое-то подозрение страшной беды впервые зашевелилось в голове Семенидовой.

– Чегой-то молчит он? – она стала поворачиваться в сторону Ландсберга. – Что тут промеж вами...

Закончить фразу Семенидова не успела. Ландсберг и сам не понял, как в его руке снова оказался саперный нож. Торопясь, чтобы старуха не успела обернуться, боясь встретиться с ней глазами, он, как и в первый раз, левой рукой обхватил сзади шею жертвы под подбородком, задрал ей голову.

– Ты чего, чего это, батюшка?! – Семенидова с неожиданным проворством подогнула колени и почти вывернулась из захвата. Одновременно она вцепилась в руку с ножом так крепко, что Ландсберг, несмотря на изрядную свою силу и молодость, поначалу ничего не мог поделать.

Дальше в нем опять сработали какие-то первобытные инстинкты, не иначе. Ландсберг перехватил нож в левую руку, полоснул старуху по горлу и сам невольно вскрикнул от боли. Семенидова в самый последний момент, защищаясь, проворно попыталась прикрыть горло – все еще мертвой хваткой держась за руку Ландсберга. И острое как бритва лезвие рассекло не только шею жертвы, но и правую ладонь напавшего.

Мертвое тело старухи взмахнуло руками, загребло и застучало по паркету ногами, выгнулось и рухнуло к ногам убийцы.

Что ты наделал, Карл Ландсберг?

Несколько мгновений он тупо глядел на тело Семенидовой, на кровь, толчками льющуюся из черной полукруглой раны под подбородком. Поднял к глазам свою руку – рана там была гораздо меньшая, однако кровь из нее тоже хлестала. Ландсберг взял с умывальника полотенце, промокнул кровоточащую руку.

Уходить, теперь надо немедленно уходить! Уходить – чтобы в покойном месте не торопясь собраться с мыслями, все обдумать. Немедленно – пока не явился еще кто-нибудь: всякого свидетеля ведь тоже придется убивать...

Ландсбергу претило возвращаться в кабинет, где лежало тело несчастного старика. Но векселя все же следовало забрать. Иначе – все было напрасным! Эти смерти, эта кровь...

Тело Власова на диване завораживало, притягивало взгляд. Не сводя с него глаз, Карл почти ощупью подошел к бюро, схватил, глянув лишь мельком, свои расписки. Пятясь, выбрался в коридор, а затем в прихожую. И тут обратил внимание, что кровь из порезанной ладони продолжает литься на пол. Ландсберг схватил другое полотенце, туго обмотал руку.

Ключи были на привычном крючке у входной двери. Ландсберг сорвал их, поискал глазами фуражку, неуклюже, левой рукой прицепил саблю. Перед выходом прислушался – на лестнице было тихо.

Заперев дверь снаружи, Ландсберг быстро спустился по лестнице. В парадной внизу снова прислушался и, стараясь шагать ровным шагом, направился прочь. Переулок был пуст.

Холодный ветер, бивший в лицо, трепал зажатые в левой руке векселя. Остановившись под первым же фонарем, Ландсберг поправил обмотанное вокруг раны полотенце – для этого ему пришлось прихватить захваченные из дома Власова бумаги зубами. Взявши потом бумаги, он, пользуясь неярким светом фонаря, попытался рассмотреть их. И остановился как вкопанный: глупец! Какой же он глупец! Он забрал свои денежные расписки – и оставил на самом видном месте и заготовленное Власовым поздравление, и завещание, где упоминалось его имя. А это – прямое указание для полиции, когда тела убиенных будут обнаружены!

Судьба, горько усмехнулся Ландсберг. Это просто перст судьбы!

Убедившись в своей чудовищной ошибке после убийства Власова, Ландсберг – совершенно искренне, не рисуясь и наедине с собой – вовсе не рассчитывал скрыться, каким-либо образом избежать наказания. Возвращение из лавки Семенидовой помешало ему застрелиться прямо у тела жертвы. Одновременно приход прислуги, очевидно, каким-то образом спровоцировал иной ход мыслей – и на кухню Ландсберг уже отправился с другим убеждением: свидетелей его преступления быть не должно!

Зарезав старуху, которая и вовсе не была повинна перед ним, Ландсберг понял, что окончательно перешел Рубикон. Можно было, конечно, спуститься к дворнику и попросить того сбегать за полицией. И покончить с собой до ее появления. Однако, спускаясь по лестнице, Ландсберг опять передумал.

Уходя из жизни вот так, без объяснений, он оставит своим родным и друзьям плохую память о себе. Сначала надо все хорошенько обдумать, проанализировать. Самому понять – как? Почему? А для этого требуется время и силы. Значит, надо бежать. Бежать, чтобы, все обдумав, решивши и отдавши необходимые в подобных случаях распоряжения, вернуться и принять приговор судьбы. Каким бы он ни был...

Голова кружилась, и ноги под коленями стали вдруг мягкими и слабыми. Надо дойти до аптеки – это совсем немного! Ландсберг с трудом оторвал руки от перил моста и побрел на зеленый свет фонаря.

Уже крутя ручку ночного звонка, Карл вдруг отчетливо подумал, что на всем своем пути от Гродненского переулка в центр он не встретил ни одного городского, ни прохожего. Даже будочников он, словно специально, благополучно миновал: всего две полосатые черно-белые будки попались на его пути, да и те оказались пустыми.

Ночь преступников. Ночь убийц?

Из глубины аптеки выплыл силуэт мужчины с аккуратной эспаньолкой на заспанном лице. Приблизив эспаньолку к застекленной двери, аптекарь всмотрелся в ночного посетителя. Армейский мундир окончательно внушил доверие – аптекарь отпер и распахнул тяжелую дверь.

– Прошу, сударь! – аптекарь чуть посторонился, наклонил голову и увидел окровавленную руку посетителя, залитую кровью полу шинели, сапоги. – Майн готт, вы ранены, сударь! Эй, Отто, живо сюда! Поддай стул господину офицеру! Отто, да где же ты! Обопритесь на мое плечо, вы едва стоите на ногах, герр офицер!

Вокруг Ландсберга поднялась деловитая суета. Он был усажен на притащенный стул, рядом мальчишка по имени Отто поставил чистую плевательницу на высокой ножке, а на нее взгромоздил обширный таз со льдом. Быстро появился еще один таз, над которым ночной аптекарь промыл водой глубокую рану у основания мизинца правой руки Ландсберга. Залитая кровью шинель офицера беспокоила аптекаря, и он настойчиво допытывался – уверен ли посетитель в том, что ран больше нет?

– На вас напали? – спросил аптекарь, помещая руку Ландсберга в таз со льдом.

– Нет, я случайно поранил руку, когда чистил саблю...

Аптекарь с сомнением поглядел в лицо посетителю: тот был совершенно трезв.

– Гм... Очень, очень неосторожно, господин офицер! Рана весьма глубокая, явно рассечена артерия, натюрлих. И, кажется, даже сухожилие задето. Вам нужен врач – если желаете, я немедленно пошлю мальчишку за доктором. Это недалеко, доктор очень хороший, ja-ja! А пока понюхайте из этой бутылочки, вы очень бледны!

Аптекарь поднес к лицу Ландсберга пузырек с остро пахнущими кристаллами.

– О-о, видите, как пробирает? – обрадовался аптекарь, когда офицер от резкого жжения в ноздрях отшатнулся. – Сейчас я дам вам укрепляющую микстуру, и вы почувствуете себя еще лучше!

– Вы немец? – для чего-то поинтересовался Ландсберг. И без перехода попросил: – Может быть, у вас найдется немного коньяку? Это тоже отличное укрепляющее...

– Ja, Готлиб Грингофф, дежурный помощник аптекаря, господина Фридланда, – отрекомендовался тот. – Коньяк имеется, господин офицер, но я бы категорически не рекомендовал бы вам сейчас спиртное. Вот когда вас осмотрят и подадут всю необходимую помощь, тогда можно и коньяку. И в постель, разумеется, ja-ja!

– Я тоже немец. Нет, доктора не надо, господин Грингофф. Наши казармы совсем неподалеку, и у нас тоже есть отличный доктор. Вот если бы ваш мальчик нашел извозчика...

– Нихт проблем, герр офицер! Отто, живо за извозчиком! Но, вы уверены, герр офицер, что...

– Совершенно уверен! – Ландсберг глотнул поднесенной микстуры, покрутил головой. – Спасибо, господин Грингофф! Вы очень любезный и квалифицированный аптекарь.

– Погодите, не вставайте, господин офицер! Сейчас я туго забинтую вашу руку и дам вам пузырь со льдом. Обязательно держите на этом пузыре руку по пути!

Аптекарь принялся бинтовать руку. Закончив, он быстро принес резиновый пузырь со льдом и одновременно ловко, с поклоном вручил голубоватую бумажку.

– Счетец за поданную медицинскую помощь и лед, господин офицер. Если вы в настоящий момент не располагаете мелочью – не беда! Занесете как-нибудь по дороге-с! Да, и помните, что тугую повязку, которую я наложил, надобно сменить не позже, чем через полтора-два часа! Вы уверены, что успеете добраться за это время до своего доктора?

– Даже раньше, господин аптекарь, – заверил Ландсберг. – А счетец ваш... Позвольте, сколько там? Один рубль двадцать копеек? Извольте, господин Грингофф, получить! Со сдачей не утруждайтесь. И еще раз благодарю покорно за помощь и участие! Позвольте только микстурки вашей глотнуть! «На посошок», как говорится...

Перед аптекой застучали и смолкли копыта экипажа. Ландсберг, поддерживаемый под локоть, вышел на улицу, сунул мальчишке двугривенный и тяжело взгромоздился на сиденье.

В казармах он без особых церемоний растолкал батальонного доктора, сменил повязку и лег в кровать, выпив перед тем две полубутылки коньяку. Это «успокаивающее» подействовало, как и ожидалось: слабость от большой кровопотери и коньяк позволили Ландсбергу быстро провалиться в глубокий и тяжелый сон.

Рано утром Ландсберг написал рапорт с просьбой о предоставлении краткосрочного отпуска по семейным обстоятельствам и вместе с рапортом батальонного доктора о своем ранении передал рапорт адъютанту полковника Кильдишева.

Через полчаса, когда рапорт был «украшен» разрешающей резолюцией, Ландсберг, ненадолго заскочив на свою квартиру, приказал денщику Гусеву найти лихача, а самому бежать в железнодорожную кассу за билетом.

Прибыв на вокзал, Карл нерешительно направился к телеграфной конторе: не известить Марию о своем неожиданном отъезде было невместно. Однако, испортив несколько бланков, депеши невесте Карл так и не отправил. А через полтора часа пыхтящая паровая машина покатила четыре классных вагона прочь от Северной столицы России. Ландсберг уезжал в Ковенскую губернию, в родное поместье.

Глава первая. Переполюх в Гродненском переулке

Весна в тот год в Петербурге была долгой и слякотной. Тепла она прибавляла по чуть-чуть, постоянно отступала, пряталась с последними почерневшими ледышками в темных подворотнях и вечно-сумеречных узких проходных дворах северной российской столицы. А то вдруг налетала откуда-то на разомлевших по нечаянности под выглянувшим из туч солнышком людей холодом и сыростью. Заставляла ежиться, поплотнее запахиваться в одежду и оставляла лишь мечты о том, что где-то и когда-то бывает тепло.

А уж на ночь нерешительная девица-весна и вовсе куда-то исчезала из Петербурга. И городские до утра сердито стучали в своих будках промерзшими сапогами по приступкам, кутались в башлыки и до иступления мечтали о том, как утром, отстояв свои часы, нырнут во влажную теплынь трактиров и чайных, где ждут их огненные суточные щи в миске, зубец чеснока и чарка горькой очищенной. Вытянешь ее сквозь зубы, истово, выдохнешь вместе с водочным духом холодную пустоту минувшей ночи – и снова вроде жизнь станет чуть милее. И не беда, что скоро снова топать в полицейскую часть, вспоминать летнее тепло и костерить капризную девицу-весну за ее дикость, переменчивость и нерешительность. А уж если пройдет ночка спокойной, без лиходеев и протоколов, без необходимости лишней раз тащить в околоток ворюгу-чердачника – и вовсе славно!

Вот и в ночь с 29 на 30 мая 1879 года городской пятого года службы Василий Степанович Скородумов, в очередной раз обходя участок, тоскливо мечтал о конце дежурства.

Конечно, полностью спокойной минувшую ночь не назовешь. С вечера пьяные мастера-вые разодрались меж собой, ночью с приказчика загулявшего лихие люди в подворотне шапку сняли. Ну это все пустяки. Скородумов даже в часть никого не сволок – к чему лишней раз ноги бить? Забиякам – по шеям надавал, приказчика протоколом о пьяном состоянии припугнул – все честью, с благодарностью и полтинами разошлись. Обошлась ночка без задавленных и зарезанных – слава те, Господи! Впрочем, дежурство еще не закончилось.

Нет, не миловал Господь, не обошлось – вон кричат и свистят с угла Гродненского переулка, что темным коридором одинаковых плоских доходных домов выперся в Саперную улицу. Бегут и кричат что-то, и не успеть уже городскому Скородумову добраться до спасительного тепла и уюта чайной «Тамбов». Чтоб им ни дна ни покрышки – кричат, зовут. Вот и дворники засвистели – все, «улыбнулась» нынче городскому чарка очищенной и суточные щи! Сожрет их торопливо какой-нибудь извозчик либо мастеровой – тьфу ты, пропасть!

Мальчишки первыми налетели. Сквозь их торопливый стрекот городской понял, что в Гродненском переулке мертвое тело обнаружилось. И не на улице, не в подворотне где-нибудь, а в третьем этаже доходного дома № 14. Приличный господин, значит, коли в своей квартире преставился. Вдохнул Скородумов, еще раз с сожалением глянул на близкую уже вывеску «Тамбова», плюнул с досады и пошел к месту происшествия, придерживая быющую его по левой ноге шапку. Мальчишки вперед него брызнули обратно в переулок.

Дворник в подворотне во фронт встал – он, Яков Дударов, из бывших служивых, с понятием. Сдернул шапку и доложил, кивая на человечешку в заляпанной краской фуфайке: так, мол, и так: мертвое тело. Маляр вот и обнаружил, как по стене полез фасад красить с утра пораньше. Мертвое, говорит, женского полу тело.

А дело было так. В тот день ни свет ни заря, как и было условлено с владельцем доходного дома № 14 по Гродненскому переулку господином Дрейером, маляр Прошка Бабунов явился в переулок, чтобы исполнить подряд: покрасить фасад трехэтажного дома. Краску, кисти, доску и изрядный моток прочной веревки с полиспастом Прошка еще вчера, договорившись с земляком-ломовиком, на место работы привез. Старший дворник Яков Дударов вполне определенно

обещал помощь – и не обманул: еще подходя к дому, Прошка увидел два железных кольца, закрепленных дворником на коньке крыши.

Прошка начал активно готовится к работе. Прежде всего младший дворник, помощник Якова, был услан в ближайший трактир за четвертью литра горькой калганной настойки: накануне артель Бабунова крепко погуляла, и маляр желал до начала работы «поправить голову». К возвращению гонца краска была разведена и разлита в два низких ведерка с привязанными к ручкам кусками веревки, а широкая доска уже лежала вдоль фасада. Запыхавшийся младший дворник был тут же послан на крышу дома, откуда он, следуя указаниям маляра, и спустил пропущенные через кольца концы прочной веревки.

Прошка, насвистывая, сноровисто завершил на земле остальное: из свисающих концов веревки и доски приготовил подвесную «люльку» для подъема на требуемую высоту.

– Кто ж тебя, дяденька-маляр, будет подымать и держать наверху? – с любопытством спросил белоголовый вездесущий сынишка старшего дворника. – Папаня?

– Нет, Петька, не папаня твой, а вот это самое приспособление – похлопал по полиспаду маляр. – Ты, чем вертеться под ногами, сбегал бы к мамке за соленым огурцом. Покрепче пусть выберет, скажешь – папаня для маляра велел дать. А вернешься – сам все увидишь.

Дворники, которым бабуновские привычки были известны, только посмеивались. Маляр, зайдя из приличия в подворотню, прямо из горлышка выдул отдающую сивухой жидкость, отдал пустую посудину вернувшемуся Петьке, шумно сгрыз прошлогоднего посола огурец и приступил к работе. Петька, как замороженный, глядел на маляра: словно играючи протягивая пропущенную через полиспаст веревку, маляр ловко поднял сам себя до третьего этажа, закрепился там, подтянул к себе одно из ведер с краской и начал плавно махать кистью, закрепленной на длинной жерди.

Впрочем, смотреть на однообразную работу Петьке скоро стало скучно, окрестные дворники тоже разошлись по своим делам, и только старший, Дударов, время от времени выходил из ворот и глядел – как движется работа, да вдоль переулка посматривал, по давней привычке к порядку.

– Слышь, дядя! – окликнул вскоре Дударова сверху Прошка. – Хорошо, говорю, людям! Мы с тобой работаем, а она лежит, спит. Прямо на полу: хорошо, видать, на грудь приняла!

– Кто лежит-то? – не понял Дударов. – Где лежит?

– А во-он в ентом, крайнем окошке, – показал кистью маляр. – Баба какая-то спит.

– Чего врешь-то? – посчитав окна, усмехнулся дворник. – Это квартира отставного надворного советника, господина Власова. Он там один с прислугой живет, да и не видать уж несколько дней ни его, ни старухи. Сам-то ен на дачу собирался съехать, а Семенидова, прислуга евовная, моей бабе говорила, что на богомолье пойдет сразу. Скажешь тоже – «лежит»! Кому там лежать? Да и непьющая она, старуха-то...

– Старуха – не старуха, мне отсюда не видать: стекло отсвечивает. А что лежит баба на полу – точно тебе говорю. И подушка еще под мордой ейной, – упрямо возразил Прошка, продолжая сноровисто красить стену.

Недоверчиво хмыкнув, Дударов совсем было уже собрался уходить с улицы, но что-то его остановило.

– А ну-ка, глянь еще раз, мил-человек! – помолчав, попросил дворник. Он действительно несколько дней не видел ни самого жильца, ни его прислуги. И сейчас, говоря маляру об их отъезде, вдруг ясно вспомнил, что и самого отъезда Власова не наблюдал. И не знал об этом с точностью, хотя по должности своей должен был!

– Счас глянем, – с готовностью согласился маляр. – А ты, Яшка, пока ведерко второе мне ближе к стене переставь. Поднимать сейчас буду, полное оно, не плеснуть бы краской...

Но поднимать второе ведро в тот день маляру Бабунову уже не пришлось. Осушив кистью первое, он аккуратно спустил его вниз, и, пройдя до края доски, долго вглядывался через

стекло внутрь квартиры. И, наконец, рассмотрев все, трясущимися руками принялся отвязывать закрепленный конец самоподъемного устройства.

– Беги за полицией, дядя! – громким шепотом закричал он сверху. – Мертвячка лежит в квартире! Не шевелится, и вся подушка под головенкой в крови...

– Ты что, паря? Шутки шутикуешь с пьяных глаз? – рассердился было дворник. – Типун тебе на язык!

– Верно говорю – мертвячка! – уже в голос кричал маляр, торопясь поскорее спуститься на землю. – Посылай за городовым...

Выслушал Скородумов маляра неласково, и тут же на всякий случай потребовал предъявить паспорт – кто их разберет, пришлых работников? Сегодня здесь, завтра там. С видимым сожалением убедился, что и паспорт есть, и дозволение на жительство в столице имеется. Первым делом поинтересовался – чегой-то маляр на стену полез ни свет ни заря? И сердито дергал усами, слушая пространные объяснения и про краску, и про то, что инструменты приходится у чужих людей держать, и про частые подряды на обновление фасадов. А насчет мертвого тела, при виде которого он только что с доски не свалился и руки дрожью дрожат до сих пор – верное дело! Бабунов даже перекрестился. Городовой всем телом к дворнику развернулся – что ты, братец, скажешь? Как допустил?

Дворник засуетился, подтвердил, что есть в квартире лицо женского пола, прислуга. Да только еще третьего дня должна была с барином, отставным чиновником Власовым, на дачу съехать. А вот съехали жильцы либо нет – дворник не знает, подвод мебельных не видел. Вот почтальону никто два раза не открыл, это точно! И дрова он, дворник, напрасно барину Власову вчера покколол – дверь никто так и не открыл. Стало быть, съехали.

Все эти задачки настраивание городовому испортили окончательно. Посулив мужикам отсидку в «холодной», Скородумов отправил дворника к управляющему за ключами, а сам, нещадно колотя по ступеням ножами шашки, поднялся на третий этаж. Сначала покрутил звонок, потом загрохотал по двери руками – но никто не открывал. Наконец пришел дворник с ключами и свечкой, и в ее неровном свете острые глаза маляра, почтительно суетившегося за спиной городового, углядели под дверью, на ступенях и перилах темные пятна. Кровь!

Скородумов, перекрестясь, зазвенел ключами, выбирая нужный.

Наконец дверь распахнулась, и на площадку сразу выкатилась душная волна тления. Городовой поправил свечу и, велев остальным дожидаться на лестнице, шагнул в квартиру. Очень скоро там загремело, затопало, и бледный городовой, изрядно перепугав собравшихся на площадке жильцов, бегом выскочил из квартиры. Отдышавшись на свежем воздухе, Скородумов закрыл поплотнее дверь, загородил ее для верности спиной и махнул рукой обоим дворникам, жавшимся вместе с жильцами на лестнице:

– Дударов, ты поди-ка стань под окна сей квартиры, – распорядился он. – И ни шагу отсель! А ты, как тебя, духом в часть беги, Расскажи там: два мертвых тела в фатере. Мигом!

Вскоре в Гродненский переулок прикатили две пролетки из полицейской части с сыщиками и двумя уголовными хроникерами, забредшими в часть еще с вечера в поисках свежих новостей для газет. В квартиру газетчиков, конечно, не пустили, дозволили только заглянуть в прихожую, наполненную тяжелым сладковатым смрадом, и в кухню – глянуть на убитую прислугу. После этого хроникеров не слишком деликатно выставили вон, и полицейские принялись за свою рутинную работу.

Едва закрытый полицейский возок увез трупы двух убиенных, как в переулок влетел, нахлестывая лошадь, лихач с известным, наверное, всему Санкт-Петербургу начальником Сыскной полиции столицы. Дворник Дударов вытянулся при виде начальства во фронт, городовой Скородумов лихо откозырял и доложил о происшествии, прибавив, что сыщики, судебный следователь Павлов и его письмоводитель уже в квартире и первый осмотр закончили.

Полицейская сыскная машина второй половины XIX века при отсутствии нынешних быстрых средств связи и передвижения была тем не менее удивительно мобильной. Так случилось и с убийством в Гродненском переулке: уже спустя час после обнаружения трупов сыщичья команда выехала на место происшествия на дежурных при полицейской части извозчиках. Еще через полчаса об убийстве был поставлен в известность следователь окружного суда: предупрежденный посыльным из части. Он спешно выехал на место происшествия со своим письмоводителем. Сыщичи же по дороге в Гродненский заехали за доктором. А на квартиру к Путилину, нахлестывая лошаденку, помчался лихач-доброволец: начальник Сыскной требовал, чтобы его немедленно ставили в известность обо всех неординарных преступлениях в столице.

Возле казенной квартиры Путилина, на Лоскутной улице, часто и днем и ночью вполне добровольно дежурили извозчики – несмотря на то, что по должности Ивану Дмитриевичу полагался служебный выезд с кучером. Казенных лошадей Путилин использовал только на запланированные выезды и в экстренных случаях. Ждать Иван Дмитриевич не любил, и когда его поднимали в ночь-заполночь по поводу серьезных преступлений, то всегда пользовался услугами извозчиков, «ванек» либо лихачей. Пока кучера Федора растолкаешь, пока он запряжет – так оно быстрее было.

В этот утренний час Иван Дмитриевич Путилин уже собрался было в канцелярию градоначальника, где ежедневно бывал с докладом о криминальных столичных событиях последних суток. Украдкой – его супруга терпеть не могла чтения за столом – он проглядывал свежие номера газет. У начальника Сыскной полиции, редко возвращавшегося со службы домой до полуночи, было свое расписание рабочего дня. В присутствии он появлялся обычно уже после полудня.

Путилинский конюх Федор, навесив на конские морды торбы с овсом и всласть наговорившись с дворником, совсем было нырнул уже в каретный сарай, однако, услышав в конце улицы дробный топот копыт, приостановился. Ну так и есть: опять по душу его барина скачут!

– Куды прешь? – Федор попытался тяжелым брюхом оттеснить нахального извозчика от парадного. – Что за дело до барина?

Потыкавшись без толку в непреодолимое брюхо, извозчик вынужденно отступил. И, задрав бороденку к открытым форточкам второго этажа, нарочито громко, с расчетом проговорил:

– Двойное, сказывают, убийство! Пусти, не засти! Велено срочно Ивану Дмитриевичу доложить!

– Ты не ори! Говори, где убийство, да и ступай себе. Сам барина свезу, коли ему охота будет, – в последнее время Федор, чьими услугами пользовались крайне редко, начал всерьез опасаться своей очевидной ненадобности и конца тихой и спокойной жизни.

– Ты? Свезешь? – усмешливо, но на всякий случай отступив еще на шаг, спросил извозчик. – Да ты на лестнице, не дойдя, уснешь. Аль лопнешь от усердия – ишь, пузо наел на господских хлебах!

– Ах ты, сопля чухонская! – начал сердиться Федор. – Сказано тебе: сам свезу! Куда тебе со своей дохлятиной? Сказывай, где убийство случилось – и ступай себе.

Однако острый слух Путилина уже вычленил из перебранки под окном слово «убийство». Он скомкал салфетку, с большим облегчением отодвинул тарелку с отвратительной фруктово-овощной мешаниной, рецепт которой его супруга вычитала в модном разделе о правильном питании какого-то журнала, и подошел к окну. Рама чуть скрипнула, и в столовую вместе с гомоном голосов ворвался сырой ветер с Невы. Путилин громко откашлялся, спорщики как по команде подняли головы и сдернули шапки.

– Что разорались, людей нервируете? Где?..

– В Гродненском, ваше сиятельство! «Наружка» за следователем в евонную камеру поехала и туда. Дохтура должны привезть – отпрапортовал извозчик. – Мне ждать, ваше сиятельство, или как?..

– Жди, я сейчас.

Извозчик с торжеством поглядел на барского кучера, выбил шапку о колено и с достоинством направился к своей лошади.

Через сорок две минуты Путилин уже поднимался по лестнице злополучного дома в Гродненском переулке.

– Ты обнаружил покойника? – не оборачиваясь, спросил топающего рядом городского Путилин. – Хорошо, не уходи пока никуда.

В квартире Путилин быстро прошел по комнатам, постоял там, где мелом были обозначены места расположения трупов. Снова обошел квартиру, изредка останавливаясь и приглядываясь к интерьеру, и, наконец, сел на диван в кабинете, где собралось большинство должностных лиц.

– Итак, господа, у нас два трупа по меньшей мере трехдневной давности, – Путилин начал ловко крутить из левой баканбардины косицу. – Неприятно, господа! Сегодня утром собирался докладывать господину градоначальнику об отсутствии сколько-нибудь серьезных происшествий – и на тебе. Да еще два-три дня тому назад! Александр Елпидифорович просто не поймет нашей нерасторопности, господа! Итак, что мы имеем?

Не считая Путилина, выше всех здесь был следователь окружного суда. Стало быть, и вопрос был адресован прежде всего ему. Почувствовав устремленные на него взгляды, следователь заметно смутился, долго откашливался, и, наконец, начал:

– Личности убитых установлены. Хозяин квартиры – некто Власов, отставной чиновник по медицинской части. Второй труп – прислуга Власова, мещанка Семенидова. Оба убиты холодным оружием. Прислуга – в кухне, хозяин – на диване в кабинете. У обоих перерезано горло – как говорится, от уха до уха. Под голову старухи убийца подложил подушку – по всей вероятности, чтобы кровь не натекла под половицы. Мужское тело так и осталось на диване, где предположительно и находилось в момент смерти.

– Вы полагаете, что убийца был один? – склонил голову Путилин.

– На обоих телах совершенно сходные раны – покраснев, объяснил следователь. – Убийца подходит к жертве сзади, обхватывает шею одной рукой, поднимает ей голову и наносит рукой удар ножом или кинжалом чуть выше левой ключицы. Жертва пытается вырваться и, сама того не желая, весом своего тела помогает убийце перерезать шею до правой ключицы. Почерк один, так что, полагаю, и преступник был здесь один.

– Убедили. Ну, а дальше что, голубчик?

– Вряд ли целью убийства было ограбление, – продолжил следователь. – Об этом свидетельствует оставшийся при покойном явно дорогой брегет на золотой цепочке. На кухне, в шкапулке, обнаружены деньги – очевидно, на хозяйственные нужды. В шкапу – несколько дорогих мужских пальто на меху. И вместе с тем...

– Что, голубчик? – подался вперед Путилин.

– Бюро и шкап для бумаг носят следы торопливого обыска. Кроме того, мы обнаружили на полу у бюро желтый портфель свиной кожи – полагаю, брошенный не хозяином. Портфель имеет следы пыли и извести. Уверен, что портфель стоял за шкапом – там обнаружился чистый от пыли прямоугольный участок пола и царапины от замочков на стене. Портфель пуст, однако на бюро в беспорядке свалены ценные бумаги и облигации, причем явно не хозяином-аккуратистом.

– Голубчик, а ну, поглядите-ка на моих сыскарей! Землю копытом роют, в бой рвутся. Вы скажите им только – куда бежать, кого искать, а?

– Я не фокусник, уважаемый Иван Дмитриевич! – снова покраснел следователь. – А предположения относительно розыска убийцы слишком расплывчаты. Я, например, склоняюсь к мысли о том, что покойный Власов, подобно многим отставным чиновникам, занимался ростовщицеством. Играл с огнем, как говорится – и доигрался. Нужно хорошенько порасспросить дворника, соседей Власова, просмотреть все бумаги покойного. Только тогда можно будет и конкретные указания к розыску вашим сыщикам дать.

– Верно рассуждаете, голубчик! – вздохнул Путилин. – Этим вы и займитесь – бумагами, соседями. Вам спешить некуда, вам к его высокопревосходительству Зурову с отчетом не ходить, на вас не станут ногами стучать и в неусердии обвинять... Значит, на сию минуту решительно никаких указаний к розыску дать не можете?

– Не могу-с...

– А квартиру внимательно осмотрели?

– Всю как есть, ваше высокопревосходительство.

– Угу. И вот то полотенце в углу видели? Кровь на обоих умывальниках видели? У входных дверей, на лестнице?

Почувяв подвох, следователь Павлов снова покраснел, сгорбился за столом и преувеличенно внимательно стал смотреть в бумаги.

– Так как же, голубчик? – не отставал Путилин.

– Раны широкие и кровеобильные. Убийца испачкался и наследил повсюду. Умывался, полотенцем кровь вытирал.

– А вы обратили внимание, голубчик, что кровь на полотенце несколько светлее, чем натекшая из ран жертвы? А капли на полу, у двери, на лестнице? Это не капли, а поток целый! С убийцы просто лило, извините, кровью! Это же как надо перепачкаться, чтобы с тебя до лестницы текло? И потом: умывальников два, а полотенце в наличии одно. Где же второе? Вряд ли господин Власов при жизни был настолько беден или скуп, чтобы иметь в доме на два умывальника одно полотенце... Эх, молодежь, молодежь! Ну-ка, молодцы, – Путилин повернулся к сыщикам. – Марш по окрестным аптекам! Выясните в ближайшей полицейской части адреса всех частнопрактикующих врачей в округе. Все это – в радиусе трех-четырех кварталов. Не найдете – расширим круг, весь Санкт-Петербург перетряхнем.

– Чего искать-то в аптеках да у докторов? – криво усмехнулся следователь.

– Не чего, а кого! Преступник в пылу борьбы с Власовым явно и сам порезался. Кровь артериальная, она светлее венозной. И хлещет сильнее. Одно полотенце в крови, второго и вовсе нет – о чем это говорит? Что рана у преступника серьезная, он наверняка обратится за медицинской помощью. Найдем место, где раненому медицинскую помощь подавали – глядишь, и полотенце второе всплывет. Его, конечно, могли и выбросить, но чем черт не шутит!..

Путилин еще раз окинул внимательным взглядом кабинет убитого.

– Часы настольные вон валяются на полу. Они от удара стали и показывает девять с четвертью. Утра или вечера? Ну-ка, голубчик, что скажете?

– Откуда же мне знать, Иван Дмитриевич? Сие знает только преступник, который, по вашему предположению, уронил эти часы.

– А вот я думаю, что это был вечер, голубчик! Видите – свечи в кабинете и на кухне? Догорели до конца. А кто ж с утра свечи жжет, а? Далее: На кухне остатки обеда, помойное ведро полное. На столике возле хозяйского дивана – рюмка с остатками мадеры и окурочек сигары – не с утра же Власов вино хлестал и табачком «закусывал», а, голубчик?

Путилин подошел к входной двери и попытался наложить ладонь правой руки на кровавый отпечаток.

– Убийца явно выше и крупнее меня, как видите: моя ладонь в его отпечаток не ложится. Ищите, ребята. А ты, Жеребцов, по соседям иди. Попытай-ка их насчет приятелей и гостей Власова. Знакомый у него тут был, хороший знакомый! Разве постороннего человека допустят

со спины подходить? Извините старика за урок, Платон Сергеевич – но глаза человеку дадены для того, чтобы смотреть. А не как антураж для модного нынче пенсне-с...

С досадой крутанув напоследок бакенбардину, Путилин, расстроенный невнимательностью следователя и необходимостью предстоящими объяснениями с градоначальником, вышел из квартиры и направился прямо в дворницкую под лестницей. А перед уходом мотнул головой, выпроваживая сыщиков.

– Ну-с, дворник, как тебя? Дударов Яков? Ага, Дударов. Как же ты, дорогуша, обязанно-сти свои исполняешь, если не помнишь – кто к жильцам идет, кто выходит, когда они сами входят-выходят? А?

– Виноват, ваше превосходительство! Дом наш тихий, говорю, вот все дни в один и сливаются!

– «Сливаются»! Ну а жилец квартирный, Власов-покойник – он-то куда-нибудь обычно ходил? Или дома сиднем сидел?

– Почему сиднем? В сад ходил по хорошей погоде – это до обеда обычно. А после обеда спал немного, выходил редко очень, до кухмистерской Рябушкина дойдет или до аптеки – и обратно. Иногда и далече ходил, а куда – нам же не докладывают. Вот, говорил, погода установится – и на дачу съеду, душно ему тут, в городе было-с... И съехал вот, – дворник перекрестился, а вслед за ним перекрестилось и все его семейство.

– Двадцать пятого мая господина Власова видел?

– Не помню, ваше высокопревосходительство! – плачуще замотал головой Дударов.

– Не помнишь... Ну-ка, что в газетке про этот день писано было? Ага, не то, не про то... Во! А скажи-ка, братец Дударов, дождик когда последний раз был?

Дударов подозрительно, ожидая подвоха, покосился на представительного начальника сыска. И вдруг посветлел лицом, хлопнул картузом об пол.

– Вспомнил, ваше высокопревосходительство! Вспомнил – дай вам Бог здоровьица! Дождь ведь в тот день лил с утра. Господин Власов один раз только под ворота вышли, на погоду пожаловались: дождался, мол! Нет, мол, чтобы вчера на дачу съехать! Чего ж не съехали, спрашиваю? Дело есть, говорит, гостя сегодня жду. И вправду: приходил к нам в тот день офицер молодой. Затемно уже было...

– Офицер, говоришь? – насторожился Путилин. – Кто таков? Видел раньше?

– А как же, ваше высокопревосходительство! Он, почитай, редкую неделю не приходил, офицер этот. Старый знакомый господина Власова, как же!

– Хм! Офицер, говоришь? Молодой – а знакомый старый – нахмурился Иван Дмитриевич Путилин. – Чего несешь-то братец?

– Истинную правду, ваше высокопревосходительство! – Дударов для верности снова перекрестился. – Офицер этот господину Власову еще по прежней квартире, как я понимаю, знакомый: когда юнкером был и у господина Власова комнату снимал. Вот я и говорю – старый знакомый! Господин Власов его привечали, Карлом называли, а чаще Карлушей, как сродственника какого...

– А они не в родстве? – быстро спросил Путилин.

– Не могу звать, ваше превосходительство! Говорил мне как-то господин Дрейер, управляющий наш, что у господина Власова только и есть что брат. А так – ни жены, ни деток ему Бог не дал.

– Так, Дударов... Стало быть, приходил 25 мая Власову его бывший жилец-офицер? – покашлял Путилин.

– Приходил, ваше высокопревосходительство! Пришел как обычно, часов около шести. Только он в фатеру – прислуга господина Власова в лавку поковыляла: барин-де за лимонадом отправил. Все на ноги жаловалась, да ворчала: приспичило хозяину, дескать...

– Странно, братец! – Иван Дмитриевич Путилин снова взялся за свою левую бакенбардину, и вскоре, к восторгу Петьки, лицо начальника сыска украсила вполне настоящая, хоть и короткая, косица.

Заметив внимание мальчишки к своей внешности, Путилин чуть сконфузился, косицу тут же расплел, бакенбарды расчесал, посуровел лицом и продолжил:

– Странно все-таки, братец! Ты старухе-страдалице на дороге попался – почему она тебе, к примеру, поручения сего не передала?

– Не могу знать, ваше высокопревосходительство! Я-то предложил Семенидовой сбегать в лавку заместо нее – потому как завсегда жильцам услужить готов. Дык ведь насильно мил не будешь, верно? Отказались она: может, на чаек пожалела дать... Охала, ворчала Семенидова, упокой, Господь, ее душу. И сама в лавку поковыляла.

– Так-так! – Путилин с силой потер лоб. – А когда офицер окончательно уходил – видел его?

– На часы не смотрел, ваше высокопревосходительство! – Дударов опять подпустил в голос плачущие нотки. – Слышу, сапогами стучат – ну и высунулся из окошка. Смотрю – офицер уходит. Со спины его видел – шинель внакидку, сапоги – он!

– Ладно, Бог с тобой, Яков. Толку от тебя самая малость, как посмотрю. Ну-ка, о Семенидовой мне расскажи лучше, хозяйюшка, – Путилин повернулся к доселе молчавшей дворничихе. – Что она? Как? Не из кликуш? И в тот вечер – после того, как за лимонадом сходила – сразу к себе поднялась? Или как?

Расчет Ивана Дмитриевича Путилина был таков: ввести в разговор перепуганную насмерть дворничиху. Кому, как ни ей, знать все домовые тайны, тщательно оберегаемые обычно прислугой – тем более пожилой.

Расчет оказался верным: поначалу Анна Семеновна, судорожно вцепясь в руку сынишки, только тихонько подвывала и хлюпала носом. Но у Путилина было великое терпение и оригинальная метода общения с разными людьми. Успокаивая дворничиху, Иван Дмитриевич вдруг жестом фокусника достал из пустой вроде шляпы и ловко вручил взвизгнувшему от счастья мальчонке незамысловатый леденец на палочке. Глядя на ошарашенного сынишку, дворничиха понемногу успокоилась.

– Так что, голубушка, с Семенидовой этой? Забегала, поди, к вам в дворницкую – или просто поговорить останавливалась? Что она за человек-то? Ты же у нас наблюдательная, как и муж по должности, – польстил Путилин.

Мало-помалу дворничиха разговорилась. Впрочем, и тут Путилин выяснил немного – но весьма исчерпывающее. Прислуга Семенидова была обычной бедной старушонкой, взятой в услужение состоятельным дальним родственником по мужской линии. Религиозный фанатизм Семенидовой (хождение на богомолье) подтверждения не нашел – во всяком случае, в отношении кликушества и прочих крайних проявлений характера, влекущих за собой подозрительные знакомства. Службой своей Анна Семенидова была премного довольна. Часто поминала, что ради нее, как родственницы, господин Власов отказал от места прежней прислуге, проработавшей ранее у него три или четыре года.

Жизнь надворный советник, ныне покойный Власов, вел трезвую, тихую и степенную. Проснувшись, имел обыкновение вставать сам. Одевался, умывался, даже платье сам чистил. Ждал со стаканом кофея (или чая – по погоде и настроению) почтальона. Листал календарь, читал газету. Если погода была ясной, то, отдав распоряжение прислуге насчет обеда, ненадолго выходил прогуляться. Если моросил дождь, то дремал в кресле у окна.

Из всех родственников Власова дворничиха упомянула брата Петра – заштатного преподавателя гимназии где-то в российской глубинке. Брат был беден – и, как положено, присылал Власову поздравительные открытые письма на Пасху и Рождество Христово. Надворный же советник, без всякой «поздравительной ерунды», «отвечал» брату скромными денежными

переводами. Квитанции сохранял – более того: на особую бумажку выписывал суммы сделанных им пожертвований. Чем старуха Семенидова и была неоднократно обижена: хозяин не делал разницы между рублем, пожертвованным неизвестному студенту на улице и таким же рублем, но подаренным ей, дальней родственнице, по случаю какого-то праздника.

Относительно офицера выяснилось: Власов, своих деток не имеющий, очень был привязан душой к молодому человеку, приехавшему несколько лет назад в Петербург поступать по военной части и случайно набредшему на билетик во власовском окне, еще на прежней его квартире. Сдав молодому человеку комнату, г-н Власов, по его же словам, долго к нему приглядывался.

– Немчура ведь! – вставил дворник.

Но в конце концов Власов к постояльцу душой потеплел, следил за его карьерой, экзаменами на офицерский чин. Ждал весточек от него, когда молодой офицер уехал на войну в Туркестан, а потом и на турецкую войну. Долго не хотел менять квартиру – «вот, мол, Карл вернется – а меня нету!» Очень был обрадован надворный советник, когда офицер, вернувшись с войны награжденным, навестил его. Хвастал Егор Алексеевич орденами подопечного, как своими собственными. Велел своему знакомому Флерову, у которого квартировал до получения казенного жилья офицер, оказывать ему всяческое уважение – когда тот, по старой памяти, запанибрата попытался было с ним держаться.

Офицер приходил к Власову два-три, много – четыре раза в месяц. Каждый раз жилец непременно провожал его – либо до входной подъездной двери, либо до ворот, по погоде. Расставались очень приязненно, по-родственному. К отставному надворному советнику гости нечасто, но все же ходили – ни одного из них он не отмечал так, как этого офицера.

Путилин, слушая все это, быстро терял к офицеру профессиональный интерес. Но все же поинтересовался: а в тот вечер Власов провожал своего гостя? Дворничиха развела руками: не заметила. Дождь ведь лил, а у нее еще, как на грех, зубы на погоду разболелись, прилегла к печке и задремала.

– Значит, подозрительных знакомых у вашего покойного жильца так и не было? – подал голос с порога незаметно спустившийся судебный следователь. – Ну а кого вообще еще можете назвать?

Получив отрицательный на сей счет ответ, следователь уныло втянул голову в плечи и покосился на Путилина: вот оно, мол, как бывает...

Тот же, хмурясь и покусывая нижнюю губу, стал собираться. Дворника похлопал по спине, мальчишку потрепал за вихры. Со следователем Иван Дмитриевич попрощался за руку, пару оставшихся сыщиков поманил за собой и что-то сердито выговорил им уже на улице. Сел в коляску дожидавшегося лихача – и уехал.

Скоро на подмогу сыщикам из полицейской части прибыло подкрепление из личного, как считалось, резерва начальника Петербургского сыска. Поиск человека с порезанной, как предполагалось, рукой, закипел. Начали искать и офицера, благо тут след был: один из сыщиков пошел по старому адресу Власова, и из домово́й книги в тамошней полицейской части быстро установил, что его знакомцем был прапорщик Саперного лейб-гвардии батальона Карл Христофорович фон Ландсберг. Однако найти и расспросить его не удалось: как сообщили в казармах Саперного батальона, прапорщик Ландсберг 26 мая испросил у командира краткосрочный отпуск по случаю болезни матери, и выехал по железной дороге в свое имение куда-то в Ковенскую губернию.

* * *

А 1 июня в камеру к судебному следователю Павлову вихрем, без доклада, ворвался один из путилинских «резервистов» – агент Жильцов. Оказалось, что в аптеке Фридендера, что

у Каменного моста, с уверенностью вспомнили, что поздним вечером 25 мая подавали медицинскую помощь... саперному офицеру, по приметам схожему с фон Ландсбергом!

Из рапорта сыскного агента следовало, что к Грингоффу (так звали младшего провизора аптеки, дежурившего в ту ночь) обратился офицер, правая рука которого была обернута окровавленным платком. Размотав его, Грингофф увидел глубокую резаную рану у основания двух пальцев – мизинца и безымянного. Судя по артериальному кровотечению, рана была глубокой и требовала хирургического вмешательства. О чем Грингофф, оказывая первую помощь, и заявил офицеру. Он наколол льда, завернул его в салфетку и дал офицеру жгут – предупредив, что долго им пользоваться нельзя. Грингофф также сообщил офицеру адрес ближайшего частного доктора и даже разбудил мальчишку-рассыльного, чтобы тот проводил офицера – но офицер отказался. И, поблагодарив, уехал. Рану свою он объяснил собственной неосторожностью: вставлял-де саблю в ножны и порезался. Лично он, Грингофф, считает подобное объяснение неубедительным: саблей, скорее, можно было порезать левую руку, придерживающую ножны.

С этим судебный следователь Павлов и отправился в казармы Саперного батальона. Там он прежде всего разыскал военного доктора, который подтвердил, что в ночь с 25 на 26 мая подавал помощь делопроизводителю батальона прапорщику фон Ландсбергу.

На штатского следователя доктор Мартов смотрел с плохо скрытым пренебрежением, и когда Павлов поинтересовался: не вызывали ли у военного медика, человека, понимающего толк в ранах, сомнения по поводу объяснений Ландсберга, только фыркнул. На службе, милостивый государь, все бывает, мол!

Дома следователя поджидала телеграфная депеша от самого Путилина: он срочно приглашал того к себе на Казанскую, в присутствие.

Про ранение знакомого Власова, сапера Ландсберга начальнику сыска доложить уже успели. Очень заинтересовался Путилин и бумагами, которые следователь нашел в изъятом архиве покойного Власова. Иван Дмитриевич велел подать всем чаю с бубликами и быстро просмотрел эти бумаги.

Из записей Власова следовало, что Карл фон Ландсберг сделал у него более полугода назад заем на сумму 5 тысяч рублей – в виде ценных бумаг. А в начале нынешнего года – новый заем в 4 тысячи, уже наличными – для чего Власов продал два своих заемных билета по 2 тысячи рублей. По поводу обеспечения заемных сумм стояла пометка Власова: «прост. расписка». Срок возвращения обоих займов был определен по первому требованию.

Кроме того, был найден черновик поздравительного письма. Судя по тексту – письмо готовилось Власовым ко дню бракосочетания Карла фон Ландсберга. В этом письме отставной надворный советник с торжественностью сообщал, что в качестве подарка новобрачному преподносит ему погашенный вексель на сумму девять тысяч рублей. Даты в черновике письма не было.

Нашел Павлов и завещание Власова, в котором тот единственным своим наследником и душеприказчиком называл опять-таки Карла фон Ландсберга. Ему же было вверено оказание посильной финансовой помощи семейству брата Власова – не менее ста рублей в год. Наследство покойного заключалось в ценных бумагах на сумму около сорока тысяч рублей.

– Ну, что вы обо всем этом думаете? – поинтересовался Путилин, возвращая бумаги следователю.

– Дарственная и завещание у меня никак «не пляшут», – пожаловался следователь. – А так все вроде ясно: Ландсберг занял у Власова крупную сумму, отдать не смог. Пришел к старику просить отсрочки, а тот отказал. Ну Ландсберг его и того... со старухой вместе. Но проклятые дарственная и завещание, повторяю, меня смущают. Ладно, Ландсберг про них мог и не знать. Но Власов-то знал, что прощает ему долг! Зачем ему в тайне сие держать? Ну а все остальное вполне вписывается в схему. Аптекарь, не сомневаюсь, опознает Ландсберга:

подобных совпадений, извините, не бывает! Болезнь матери? Чушь! Убил и уехал от греха подальше ждать, пока все уляжется. Вот увидите!

– Ну а длительное знакомство Ландсберга с Власовым вас не смущает? Их добрая дружба, теплые отношения? Жили-жили душа в душу, и вдруг – бах, ножом по горлу?

– Смущает, ваше высокопревосходительство, – согласился следователь. – Но что делать – улики-то больно тяжкие.

– Что думаете делать, господин следователь? – перешел на официальный тон Путилин.

– Ехать в Ковенскую губернию и арестовывать Ландсберга! – пожал плечами следователь.

– Воля ваша, – Путилин постучал пальцами по столешнице и начал в который раз терзать свою бакенбардину. – Хочу только предостеречь вас, мил-человек: арест офицера-гвардейца из славного батальона под высочайшим патронажем – это вам, батенька, не фунт изюму! Шум-то, представляете, каков будет? И не дай Бог что – от вас же мокрого места не останется! Кстати: а вы знаете, на ком должен был жениться фон Ландсберг?

– На девице, поди! – усмехнулся следователь.

– Вот вы смеетесь, голубчик! И напрасно! Девица девице рознь! – вздохнул Путилин. – На дочери графа Эдуарда Ивановича Тотлебена, одного из царских фаворитов! Она же – фрейлина двора Ее императорского величества!

Павлов, допивая чай, от неожиданности проглотил дольку плавающего в стакане лимона, поперхнулся и долго кашлял под выразительным взглядом начальника Петербургского сыска.

– И что же теперь делать? – упавшим голосом спросил наконец Павлов.

– Исполнять свой долг. И не пороть горячку! – поднял палец Путилин. – Пару толковых сыщиков я завтра же курьерским поездом отправлю в Ковенскую губернию: пусть осторожно, издали понаблюдают за нашим гвардейцем. Далее: вместе с расписками Ландсберга из портфеля Власова исчезла и часть ценных бумаг. Сегодня же отправить людей по банковским конторам и меняльным лавкам. К командиру батальона, князю Кильдишеву, завтра съезжу сам, предупрежу осторожно об имеющемся подозрении. Сегодня же вечером или завтра утром проведем на квартире Ландсберга литерное мероприятие номер один – не желаете ли поучаствовать?

– Негласный осмотр помещения? Пожалуй, стоит...

Ретроспектива-1

...Он не был в своем поместье больше двадцати лет – с тех самых пор, когда слякотной осенью 1872 года был увезен старшим братом в Санкт-Петербург и стал вольноопределяющимся в саперном батальоне. Уехал – и словно вынул свою семью из сердца и положил ее на некую дальнюю пыльную полку. Карл много раз размышлял об этом.

Удивительное дело, думал он. Поразительно: он уехал из дома с отчетливым чувством великого облегчения. Так покидают чужой дом необласканные судьбой и людьми пасынки, с подобным чувством прочь и навсегда уезжает от постоянных попреков куском хлеба дальняя родня хозяев.

«Почему в доме Ландсбергов было принято холодное вежливое внимание старших к младшим – и не более, – часто размышлял Ландсберг. – Может, окончательное разобщение семьи произошло в год смерти отца? Скорее всего – да... Отец, при всей его отстраненности от домашних дел, при всей своей молчаливости был, наверное, единственным стержнем. Стержня не стало, и семья распалась на самостоятельные звенья. Они не отталкивали друг друга, но и взаимного притяжения тоже не было».

Но почему же тогда, после страшного вечера 25 мая 1879 года, убив двух человек, он все же ринулся домой, к семье? Он и сам этого не понимал – до сих пор!

Старший брат Генрих, сколько себя помнил Ландсберг, со своей юности занимался хозяйством еще при жизни отца. Он был тут и хозяином, и управляющим, и бухгалтером, и инженером, и главной рабочей силой. Генрих всегда был при деле, даже по большим праздникам. Единственное, что он изредка позволял себе, так это посидеть полчаса со стаканом грога у камина в большой столовой – и то на коленях у него всегда был толстый хозяйственный гроссбук.

Многие в округе были уверены, что Ландсберги – сказочные богачи и редкостные скряги одновременно. Что у них где-то зарыты сундуки с золотом. Карл знал, что это не так. Он убедился в этом, когда в семье встал вопрос о жизни и смерти умирающего отца. Сельский доктор, по просьбе Генриха, устроил у ложа больного консилиум, пригласив именитого коллегу из Вильно и даже какое-то светило медицины из Санкт-Петербурга. Консилиум вынес вердикт: старого Ландсберга может спасти только солнце Италии и последующее лечение на водах.

Генрих нахмурился и спросил:

– Это точно спасет его?

Медики и сами не были уверены в своем вердикте. Они долго говорили о рискованности прогнозов в медицине, о непознанных возможностях человеческого организма, о воле Божьей. Но Генрих не отступал: сколько шансов выздороветь у отца? И в конце концов вырвал у докторов неохотное признание.

– Отец, доктора говорят, что тебя может вылечить поездка в Италию и лечение водами. Шансов немного – я понял, что примерно три к десяти. Скажи мне, что делать? Чувствуешь ли ты в себе силы? Нам придется продать молотилку или отдать деревенским мужикам всю землю за оврагом...

– Не говори ерунды, Генрих! – Ландсберг-старший сумрачно поглядел на первенца. – Двух твоих сестер никак не удастся выдать замуж, они вот-вот окончательно станут старыми девами. И Карл растет – вам всем еще пригодятся и молотилка, и земля за оврагом. Даже если доктора дали бы мне полную гарантию выздоровления, я бы не стал вводить семью в такие расходы, Генрих! Лет пять-десять назад – возможно, да. Но не сегодня! Да и волю Господа нашего нельзя со счетов сбрасывать. Если он решил меня прибрать – приберет и в Италии. Прочь сомнения, Генрих! Помни: Ландсберги решают что-то только один раз – и назад не оглядываются. Иди к докторам, поблагодари их за честный ответ, расплатись с ними – и пусть Бог решает мою судьбу! Иди, Генрих!

Через два месяца отец умер. Уездный гробовщик, ловко обмерив покойника, быстро оценил скромную обстановку в имении, и, шмыгая носом, предложил Генриху смету похоронных расходов по невысокому разряду. Тот подумал и покачал головой.

– Нет, герр Мюллер, гроб я попрошу у вас не этот, а самый лучший. И похороны по первому разряду, – он поймал осуждающий взгляд матери и повторил. – Все по высшему разряду! Мы можем себе это позволить...

Вдова только вздохнула, подчиняясь воле старшего сына. Младший, Карл, как и две его сестры, права голоса в этом доме не имел. Да если бы ему и позволили высказать свое мнение – что он мог сказать? Он много раз видел похороны, и знал, что люди обычно придают большое значение тому, как именно будет похоронен покойник. То, что похороны отца пройдут, на радость гробовщикам, по первому разряду, наполняло его сердце своеобразной гордостью. Значит, будет четверка белых коней с черными плюмажами, молчаливые люди в белых цилиндрах и таких же широких плащах до самой земли. Будет торжественно-нарядный катафалк, который отвезет тело отца на лютеранское кладбище и вернется в город уже без него...

Ни горя, ни тяжести от потери близкого человека мальчик не испытывал. Сколько он помнил себя – отец ни разу не приласкал его, почти не разговаривал ни с ним, ни с сестрами. Христофор Ландсберг, потомок крестоносцев, считал, что только так и нужно воспитывать детей. Карл мог припомнить один-единственный знак внимания, который уделил ему отец.

Это было почти случайностью. Накануне в доме были гости – похожие на отца суровые старики, не обращающие на молодежь никакого внимания. Изрядно подвыпив, один из гостей, хвастаясь силой рук, завязал в узел каминную кочергу. Старики смеялись, когда Христофор Ландсберг, крикнув, без труда развязал этот железный узел и сложил кочергу наподобие складного метра, которым пользовался в мастерской.

На следующее утро Карл, встав пораньше, нашел изуродованную кочергу и попытался ее разогнуть. Он пытался, помогал себе коленом и не заметил, что отец, бесшумно зайдя в столовую, несколько минут с холодным интересом наблюдал за ним. Потом отец кашлянул, и Карл испуганно вскочил на ноги, как будто сотворил невесть какую шалость.

– Хочешь быть сильным, Карл? – спросил отец. Он тяжело опустился в кресло, жестом подозвал младшего сына, поставил перед собой и ошупал его шею, руки и плечи твердыми, будто из дерева, ладонями. – Тебе уже 14 лет, у тебя широкие кости, крепкая шея и спина. Да, ты можешь быть сильным. Таким же, как был Иоганн Ландсберг, твой предок. Его еще называли Каменным Иоганном, или Скалой. Он пришел на Русь с берегов Рейна, да так и остался здесь, получил службу у русских князей. Говорят, что он одним ударом меча мог перерубить пополам лошадь в доспехах... Хочешь быть таким же сильным, Карл?

– Я не знаю, отец... То есть хочу – но это, наверное, невозможно.

– Пойди в нашу кузницу, скажи Вильяму – я велел! – дать тебе железные прутки разной толщины для укрепления силы рук. Гни их каждую свободную минуту. Перетаскай камни со старой мельничной запруды – по одному в день, не больше! Помнишь – там же лежит старый мельничный жернов от сгоревшей мельницы?

– Да, отец.

– Когда ты сможешь затащить этот жернов на холм, ты станешь таким же сильным, как Каменный Иоганн. А сейчас иди...

По сути дела, это был самый длинный разговор Христофора Ландсберга с сыном. Старик никогда больше не возвращался к этой теме. Не интересовался – ни тем, как Карл ежедневно гнет и разгибает железные прутки, ни как таскает камни, ни как день за днем пробует силы на мельничном жернове.

К шестнадцати годам Карл мог повторить «фокус» с кочергой, но мельничный жернов был ему неподвластен. Уже когда отец умер, Генрих как-то неожиданно спросил у младшего брата – для чего тот часто возится с тем жерновом? Выслушав Карла, хмыкнул:

– Если хочешь справиться с жерновом, сначала подкопай его так, чтобы можно было катить... Впрочем, ты все равно не успеешь этого сделать – через неделю-другую ты закончишь гимназию и мы поедем с тобой в Санкт-Петербург.

– Зачем, Генрих?

– Отец мечтал увидеть тебя военным. Так оно и будет. Я не сумел получить чин офицера: поместье требовало и требует слишком много финансов, времени и сил. Ты ведь хочешь стать военным, Карл? Офицером?

– Кавалеристом? – с надеждой посмотрел на брата младший отпрыск Ландсбергов.

– Хм... Гвардейская кавалерия – это, конечно, очень красиво. Но слишком дорого для нашей семьи, я наводил справки. Да и какая польза в том, чтобы уметь сидеть на коне и участвовать во всяких парадах и смотрах? Я думаю, что военная профессия должна тебе дать что-то такое, что всегда в жизни пригодится. Чем плохо, Карл, быть военным инженером? Уметь не только разрушать, но и строить?

Карл разочарованно пожал плечами: инженером так инженером. Спорить он не стал: младшие в семье Ландсбергов никогда не спорили со старшими, а беспрекословно подчинялись им.

– Да, я верю в тебя, Карл! – Генриха, очевидно, все больше и больше захватывала его задумка. – К тому же и преподаватели в гимназии, и школьный инспектор хвалят тебя. Ты

не лентяй, Карл, ты сделаешь замечательную карьеру, и в семье Ландсбергов будет свой инженер-генерал. Мы небогаты, ты знаешь, Карл. И твоя карьера не будет быстрой. Зато это будет твоя карьера. Ты согласен?

Последний вопрос был излишен. Генриха интересовало не согласие Карла с его выбором, а лишь принятие или непринятие логики его рассуждений. Логика была безупречной, с ней было трудно не согласиться. И младший из рода Ландсбергов стал постигать ремесло военного сапера.

* * *

До своего шестнадцатилетия Карл дальше уездного городишки Шавли не бывал. И когда старший брат и глава семьи Генрих повез его в Санкт-Петербург, Карл едва не пошел на попятную от величия столицы!

Петербург был подавляюще мрачен и высокомерен. Серые громады домов, холодная пустота площадей и дневные сумерки улиц-ущелий словно говорили робким провинциалам: вы здесь чужие! Чужие. Чужие... Чужими были братья Ландсберги и на шумных, оживленных улицах и проспектах, заполненных куда-то спешащими столичными обитателями. И на неспешном променаде по солнечной стороне Невского проспекта, подавляющем своей широтой и помпезностью, где люди никуда не спешили, они тоже были чужими...

Наметанный глаз петербуржца – будь то мастеровой или щеголь-аристократ – мгновенно, по покрою одежды, по напряженности походки, предупредительности в уступании дороги определял чужаков, и, как правило, более ими уже не интересовался. Во время первой прогулки по столице Карл несколько раз ловил себя на детском желании взять брата за руку. Он даже раз заикнулся брату про извозчика, в экипаже которого можно было бы спрятаться от холодно-насмешливых взглядов – однако извозчика Генрих не взял из экономии.

В Петербурге и сам старший брат стал каким-то чужим, открылся мальчишке с неизвестной доселе стороны. Куда делась его спокойная уверенность хозяина большого поместья – здесь он суетился, сделался многословен, и даже походка его потеряла провинциальную уверенность. Еще больше брат растерялся, когда давно осевший в столице земляк твердо заявил, что шансов сдать вступительные экзамены в училище у юного провинциала немецких кровей нет.

– Не тратьте время, – бурчал земляк сквозь клубы дыма из короткой трубки. – Мальчик лютеранской веры? Ну и что же ты хочешь, Генрих? Неужели ты никогда не слышал о триедином принципе сегодняшней России – «один царь, один язык, одна вера»... Ну посуди сам, Генрих: если добрая пятая часть всех учебных занятий юнкеров составляет, как мне доподлинно известно, православный Закон Божий, о чем тут говорить? Где быть мальчишке-немцу во время этих уроков – в коридоре, что ли? Максимум, на что могут рассчитывать инородцы в России – это школы вольноопределяющихся. Но и там, каким бы умным ни был мальчик, он закончит только по второму разряду. То, что русским будет даваться легко, немцу в России приходится отвоевывать с боем!

– Но это же несправедливо!

– Ха! Побойся Бога, Генрих! О какой справедливости ты говоришь? Скажи-ка, будь ты фельдмаршалом и набирай войско в поход – кому бы ты отдал свое предпочтение? Наверное, тем, кто предан тебе и твоей вере душой и телом. Как ты поручишься за солдат, которые имеют своего Бога и молятся по-другому? Радуйся, по меньшей мере, тому, что мы не поляки, не чухонцы и не евреи. С теми разговора в русской столице нет вообще! Конечно, ваш дворянский род достаточно знатен и славен – но кому сегодня в России нужна чья-то былая слава?

– Ну а если?.. – брат понизил голос и выразительно потер указательный и большой пальцы левой руки.

– Мзду обязательно возьмут, – хохотнул земляк. – Но взамен ты все равно ничего не получишь!

В правоте земляка Карл убедился через несколько дней, когда по настоянию упрямого брата все же держал вступительные экзамены в Николаевское инженерное училище. Генрих рассудил, что наплыв аристократов в учебное заведение, где больше учат делу, а не танцам, будет ниже, нежели в кавалерийское или артиллерийское. За столом напротив Карла, кроме преподавателя, сидел и православный священник с добрым бородатым лицом. Преподаватель, впрочем, тоже не выглядел свирепым драконом – часто кивал, одобрительно щурился на кандидата в юнкера и даже похвалил его познания в области древнейшей истории. Однако в экзаменационной ведомости, вывешенной на следующий день в гулком вестибюле Инженерного замка, напротив фамилии Ландсберга все равно красовалась унылая и совсем не счастливая семерка. Семь баллов из двенадцати возможных – в списке счастливицев, выдержавших приемные экзамены, свою фамилию можно было и не искать!

– Ничего, Ландсберги никогда не оглядывались! – утешал младшего брата Генрих. – В чем дело, в конце концов?! Ты пройдешь весь курс вольноопределяющегося, зато потом, став офицером, будешь посмеиваться над неженками из юнкерских училищ.

Карл слушал, и ему казалось, что брат больше утешает себя, нежели его. Через три дня Генрих уехал, оставив Карла в присутствии казарм лейб-гвардии Саперного батальона, где тому и предстояло в течение двух с половиной лет постигать премудрости военной профессии.

Впрочем, первую премудрость ему пришлось постичь буквально в первый день. То ли старший брат что-то не понял, то ли произошла какая-то армейская неразбериха – однако уже в полдень выяснилось, что число мест в казармах для вольноопределяющихся меньше, чем самих «вольноперов». И тем, кто не попал в списки, придется все время обучения жить на съемных квартирах за свой счет.

Фельдфебель, сообщивший юношам эту новость, поинтересовался – все ли господа вольноопределяющиеся имеют в Петербурге жилье либо родственников? Не имеющим после обеда было предложено свободное время для поисков комнаты – причем фельдфебель подчеркнул, что в их же интересах найти жилье поближе, ибо занятия у «вольноперов» начинаются в 7:30 утра, а до этого времени нужно еще успеть переодеться в форму и позавтракать.

Кто-то спросил – а к чему каждый день два раза переодеваться? Раз им выдадут форму, значит, в ней можно будет ходить и на занятия, и домой...

– Забудьте об этом, господа вольноопределяющиеся! – трубил фельдфебель, отбивая такт речи ударами кулака в ладонь другой руки. – Форма гвардейского сапера ко многому обязывает! Прежде вам нужно научиться ценить ее, чистить и содержать в порядке. Выход в город в форме – все равно что первое причастие! Это надо заслужить!

* * *

...Карлу Ландсбергу повезло. Выйдя на поиски жилья из Саперного переулка, где находились городские казармы батальона и, не пройдя и трехсот шагов, юноша обнаружил переулок, более похожий на прорубленную меж высоких домов щель. Переулок назывался Басковым, и Карл свернул в него, от души надеясь, что ему удастся избежать расспросов сурового обличья дворников, дремавших в каждой подворотне. При звуке шагов эти мрачные фигуры оживали, начинали шаркать метлами и глядели на всякого прохожего, нарушившего их уединение и дрему, с явным неудовольствием.

К счастью Карла, уже в крайнем окне второго с угла дома он углядел вожаденный билетик:

«Сдается комната для одинокого холостого господина».

Шаркнув ногой перед вышедшей на звонок старухой и покраснев, Карл заявил, что желает знать условия сдачи комнаты внаем. Старуха, однако, начала расспрашивать юношу – кто он да откуда, да за какой надобностью ему понадобилась комната в этом тихом переулке. Хмурясь, она пыталась: нет ли у искателя жилья многодетных родственников, и не учится ли будущий жилец игре на каком-либо музыкальном инструменте?

Расспросы старухи прервал незаметно подошедший невысокий толстенький господин в шинели с пуговицами медицинского департамента и свежими газетами под мышкой. Он и оказался хозяином квартиры, вернувшимся с утренней прогулки отставным надворным советником Власовым.

– Юнкер? Будущий сапер? Похвально, молодой человек, весьма похвально! Я беру по полтора рубля в месяц летом и по два рубля зимой, в видах необходимости отопления в холодное время. Вас такие условия устраивают, молодой человек? Впрочем, иных вы в наших «палестинах» и не сыщете! Пойдемте, посмотрите комнату. Только учтите: в случае найма я беру с постояльца оплату за два месяца вперед!

Шагая следом за Карлом, хозяин выпытывал: может быть, господин юнкер стеснен, по молодости лет, в средствах? Извольте, в таком случае он выразил готовность сбросить двугривенный с квартплаты и из «дровяных» пятак. Ах, «выюнош» может позволить такую плату? Ну, как угодно, как угодно!

Сжимая в кармане пятирублевую ассигнацию, оставленную ему братом до следующей оказии, Карл ужасно стеснялся разговорчивого хозяина и самих разговоров о деньгах, и уже начал отвечать по-военному – «так точно» и «никак нет!», чем привел хозяина в восторг. Старуха-прислуга была отправлена за свежими булками к чаю, в кухне зашумел самовар, а Власов продолжил расспросы, попутно сообщая сведения о себе и соседях.

Выяснилось, что Власова зовут Егором Алексеевичем, что он холостяк, а своих деток ему Бог не дал. Что он двадцать лет прослужил по медицинской части, в Аптекарском департаменте, и вот уже два года в отставке. Старуху-прислугу Семенидову он, хозяин, зовет Шуркой, однако молодому человеку лучше называть ее Александрой.

Повыспросив Карла обо всем на свете, отставной чиновник выразил надежду, что тот оценит его дружбу и добрые отеческие советы. Старухе в присутствии Карла было велено прислуживать молодому барину столь же усердно, как и хозяину. Семенидова молча поклонилась, поджала и без того тонкие губы и ничего не сказала.

Он походил по комнате, которая стала его первой – пусть даже временной – собственностью. Попробовал, как задвигаются занавески, посидел на краешке кровати, понюхал зачем-то подушку и решил выйти прогуляться. Во-первых, ему обязательно нужно было купить будильник, без которого вставать по утрам в шесть часов представлялось ему просто невозможным! Во-вторых, надо было произвести разведку окрестностей чужого города. В-третьих, купить бумагу, конверты и письменные принадлежности, без которых вольноопределяющийся решительно не может готовиться к занятиям!

Все эти веские и радостные аргументы «за» перечеркивало одно гаденькое сомнение финансового свойства. Из оставшихся от братовой пятирублевой ассигнации двух рублевек одну, следуя поучениям квартирного хозяина, вообще-то надлежало отдать прислуге, Шуре-Александрке. На чаек-сахарок да на мытье сапог, как весело упомянул Власов. Утром и вечером чаю попить, конечно, следовало – но оставаться в Петербурге с одним-единственным рублем было страшно.

Единственным финансовым резервом фон Ландсберга оставалась трехрублевая ассигнация, потихоньку от старшего брата подsunутая Карлу сестрицей Марго. Но это были действительно последние деньги, которые следовало беречь до крайней надобности.

С другой стороны, рассуждал Карл, надо непременно написать родным письмо и сообщить про вольную квартиру и связанные с этим финансовые проблемы. Опять же – бумага,

чернила и карандаши. А булки или пироги к вечерним чаепитиям? Не хлебать же один чай с сахаром вприкуску?! Решено: он отправляется за покупками, меняет трехрублевую ассигнацию, а один из оставшихся рублей прячет на самое-самое дно сундучка, с которым приехал сюда.

Объявив старухе, что собирается немного погулять и осмотреться, Карл выскользнул за дверь и оказался на свободе.

Насчет места приобретения будильника и писчебумажных товаров ему охотно растолковал здешний дворник, совсем еще молодой мужик. Узнав, что Карл – новый квартирант надворного советника Власова и будущий офицер, дворник Матвей почтительно снял шапку и подробно рассказал о дороге, шевеля для наглядности пальцами.

– Как дойдете до угла, тык налево вашей милости, два квартала до улицы Бассейной. Опося – на правую руку – и напрямком до Литейного проспекта. Там и лавки всякие имеются. Ну а коли ваша милость не найдет потребного, то по Литейному вниз опять надо. Как пройдете «Вшивую биржу», так Невский проспект и будет. А уж там товару! – Матвей, изображая сладкий ужас от количества имеющихся на Невском товаров, прижмурился, затряс головой и тут же без стеснения попросил: – На чайшко бы с вашей милости! На счастье вам, да на радость мне...

– Вечером дам, Матвей. Нету сейчас мелких, – поражаясь сам себе, солидно ответил юноша и тут же поинтересовался: – А почему улица так странно называется – Бассейная? И что за «Вшивая биржа» такая?

Дворник, ничуть не раздосадованный отказом в чаевых, подробно объяснил молодому барину и про Басков переулок, названный так в честь богатейшего купчины, имеющего здесь большие земельные участки, и про другие местные достопримечательности. Бассейновая улица, как оказалось, вела от Литейного к двум большим искусственным бассейнам, откуда вода по трубам подавалась к фонтанам Летнего сада.

– Ну а «Вшивой биржею» перекресток Литейного и Невского называют, – закончил устную экскурсию Матвей. – На этом самом месте издавна поденщики безработные собирались. Там их наниматели и находят. Почему «вшивая» – так ведь известно, что за публика там топорщится – голытьба! Вот плотники и каменщики, к примеру – народ сурьезный, их на Сенной площади искать надобно. Кухарки – те на Никольском рынке новых хозяев дожидаются. Лакеи и садовники – у Синего моста... Так не забудете опосля променада про раба божьего Матвея, ваша милость?

Подтвердив обещание отблагодарить дворника, Карл едва не бегом отправился покорять Северную столицу.

Это был истинный день открытия нового мира, и Карл несколько раз с удивлением вспоминал то, каким чужим и нелюбезным показался для него Петербург в первые дни. Оказалось, что достаточно отсутствия вечно угрюмого и озабоченного брата Генриха, наличия теплого солнышка, всюю греющего сегодня, и шуршащей трехрублевой ассигнации в кармане.

Карл долго бродил по Невскому, не замечая насмешливых перемигиваний приказчиков при виде простодушного провинциала. Застенчиво глазел на хорошенькие лица встречаемых барышень, уважительно уступал дорогу попадающимся офицерам – они представлялись ему истинными хозяевами столицы!

А вывески! На двух торговых кварталах Невского Карл насчитал уйму различных вывесок – больше, чем видел их за всю жизнь в своем уезде и губернском городе. Среди деловых рекламных посулов попадались и забавные вывески – смешные даже на взгляд провинциала. Над одной ресторацией – медведь с газетой в вывернутых лапах за столиком, уставленным различными блюдами. Над входом в каждый трактир – либо жеманно топырящие пальчики мужики с чаем в подстаканниках, либо такие же бородатые дяди с лепными кружками либо штофами в руках. Турки в чалмах, задумчиво сосущие кальянные трубочки над табачными

лавками. Рог изобилия, из которого почему-то сыплются то ли младенцы, то ли ангелы. А рядом – маленькими буквами разъяснение: «Повивальная бабка-голландка».

Многие вывески содержали французские слова – с такими ошибками и в таких сочетаниях, что догадаться о том, что сие означает, можно было с большим трудом. Немногим понятней были и иные надписи на русском: «Здесь красуют, декатируют и такожде пропускают машину». Или – «Дамский портной Иван Ефремов из иностранцев». Какой же это Иван, если из иностранцев?

Впрочем, и потешные вывески не портили Карлу общего восторженного впечатления.

Вернулся новый открыватель столицы в свой Басков переулок на извозчике – «ваньке», нанятом за 25 копеек. Это, конечно, было мотовством, пенял сам себе Карл. Да, мотовство – но как иначе, скажите на милость, доставить на квартиру будильник, глобус, большущий куль мятных пряников, проданных немцем-кондитером из Ковенской губернии со скидкой, а также бумагу, тетради и банку с ваксой для сапог? Тем более что вакса, судя по надписи на немалой банке, сулила будущему офицеру «зеркальный блеск, недоступный даже в Нотр-Дам-де Пари».

Удалось сохранить и обещанный совесть последний рубль из сестриной трешницы. Высидевшись со всей поклажей у дома, будущий офицер был радостно встречен дворником Матвеем, коему и перепал наконец обещанный гривенник.

* * *

В школе вольноопределяющихся Карлу тоже нравилось. Каждое утро, приходя в казармы, он был встречаем «дядькой» – фельдфебелем, старым солдатом, дослуживающим последние годы солдатчины наставником «вольнопёров». Когда рядом никого из офицеров не было, «дядька» позволял называть себя Михалычем, иногда, расчувствовавшись, вспоминал свою деревеньку под Вологдой, и семью, которую не видел больше пятнадцати лет.

Основной обязанностью «дядьки» было привитие будущему офицеру основ военного уклада жизни. Михалыч регулярно занимался с Ландсбергом шагистикой, учил его приемам обращения со штыком, саблей.

После наступали часы занятий, когда «вольноперы» собирались в классных комнатах и для них начиналась настоящая учеба. Часть ее напоминала гимназические уроки, часть была лекционного типа. Все преподаватели, кроме Закона Божьего, были офицерами, но большей части боевыми, многие со шрамами и следами ранений. Двое или трое прихрамывали, один был и вовсе без одной руки, со страшно изуродованным лицом. Поскольку он преподавал минное дело, этому никто не удивлялся, а «вольноперы» шепотом рассказывали друг другу историю о том, как капитан Егоров во время турецкой войны, спасая товарищей, отбросил голыми руками залетевший в окоп разрывной снаряд, а тот возьми да и разорвись в пяти шагах. Говорили, что свидетелем сего подвига был сам великий князь, и именно его повелением Егоров не был отчислен в инвалидную команду, а навечно остался в списках личного состава батальона и был пристроен на преподавательскую работу.

Другие преподаватели школы вольноопределяющихся порой напоминали Карлу гимназических. Одни были явно увлечены своим предметом и занятия проходили интересно, не по учебнику, со множеством интересных примеров. Иные офицеры явно тяготились своими дидактическими обязанностями, гнусаво и монотонно «отчитывали» свои предметы, вызывая скуку и зевоту. От гимназических преподавателей здешние отличались лишь тем, что не били линейкой по рукам и не грозились написать записку родителям. Наказание лентяям и нерадивым – впрочем, таких в школе вольноопределяющихся оказалось немного – было, в основном, два. Лишние часы строевой подготовки под командой старшего фельдфебеля по кличке Горыныч, либо несколько часов ареста в казарменной «холодной», под присмотром другого старшего фельдфебеля, не менее свирепого и горластого, имени-прозвища которого никто не знал.

Нравились Ландсбергу и отношения «вольноперов» со штатными офицерами батальона. Офицеры были настроены к воспитанникам без исключения дружелюбно, видя под солдатскими шинелями не «пушечное мясо», не «паркетных шаркунов» и «маменькиных сынков», как именовались юнкера, а будущих товарищей. Да и то сказать: «вольнопер» был гораздо ближе любому офицеру-саперу еще и потому, что его путь к офицерским погонам был выбран наиболее трудный.

Конечно, некоторая кастовость наличествовала и здесь. Офицеров-дворян в батальоне было меньше трети. И, несмотря на всеобщее, казалось бы, равенство, офицеры-дворяне держались с прочими товарищами так, что те никогда не забывали сословной разницы.

Среди «вольноперов» дворян было и того меньше – в основном, как и Карл Ландсберг, это были сыновья славных, но обедневших дворянских родов. Не столь древних, как с гордостью думал о своих предках Карл, но все-таки дворяне. Однако он не мог не видеть, что сословное размежевание среди воспитанников школы проявляется гораздо больше, чем в офицерской среде. Мальчики знатного происхождения откровенно сторонились своих товарищей-«разночинцев». Причем иной раз это выглядело столь заметно, что преподаватели и другие офицеры вынуждены были порой делать замечания излишне гордым потомкам дворянских родов.

Что же касается самого Карла, то подобная кастовость ставила в тупик его самого: по происхождению он был знатен своими предками, но при этом беден, как церковная мышь. Поэтому он никогда не примыкал к «радикально» настроенным воспитанникам.

Многие офицеры батальона выделяли Ландсберга среди прочих. С несколькими, совсем молодыми прапорщиками и подпоручиками он, по их требованию, перешел на «ты», и даже несколько раз был приглашаем на товарищеские вечеринки. Впрочем, последних он старался избегать – зная, что вряд ли когда-нибудь сможет вынуть из кармана столь пухлую пачку ассигнаций, как офицеры батальона – граф Марк Ивелич или барон Гейдрих. Постоянно же быть «одолженцем» и «прихлебателем» Карл Ландсберг не желал! Эх, деньги, проклятые деньги! Их просто не было...

Глава вторая. Круг сужается

На казенной квартире гвардейца-сапера было произведено тайное «литерное» мероприятие – негласный, никем не санкционированный обыск. Иван Дмитриевич подобные мероприятия не очень любил, но, как профессионал, никогда не пренебрегал возможностью лишний раз убедиться в том, что розыск на правильном пути.

Сыщики нашли на квартире пару офицерских сапог, старательно, но не слишком тщательно отмытых от крови. Сапоги были завернуты в газету, а нашли их в сундучке денщика офицера-сапера Гусева. Он признался, что барин велел ему выбросить их, но солдат решил сохранить добрую обувь для себя.

В печке, старательно вычищенной накануне тем же денщиком, нашли следы сгоревшей бумаги. Причем бумаги высшего качества, которая даже в обугленном виде сохранила кое-где следы типографской сетки, характерной для облигаций и казначейских билетов. Скорее всего, это были захваченные Ландсбергом ценные бумаги из портфеля убитого Власова.

* * *

Главный специалист Путилина по наружному наблюдению и по части тайных обысков был недоучившийся студент из евреев, сыскарь Семен Бергман. Он обладал каким-то сверхъестественным чутьем на спрятанные или позабытые самими преступниками улики. И именно Сене Бергману пришлось во время обыска в голову внимательно пересмотреть стопку учебников, для чего-то хранимых Ландсбергом еще со времен учебы саперному делу. Среди всего этого Бергман нашел «Пособие для пластунов, производящих саперные работы в непосредственной близости от противника, и могущих иметь с ним рукопашное столкновение». В пособии был рисунок саперного складного ножа, а среди описываемых приемов обезвреживания противника особо рекомендовался захват его за шею сзади, с одновременным перерезанием горла. Этот прием, безусловно, служил гарантией отсутствия шума при тайных операциях в расположении противника. Способ убийства в Гродненском переулке был идентичным описываемому!

Среди бумаг Ландсберга нашлось несколько его фотографических портретов. Такие портреты нынешняя столичная молодежь заказывала в модных ателье дюжинами с тем, чтобы дарить избранницам своего сердца. Портреты тожегодились: Ландсберга безоговорочно опознал аптечный провизор Грингофф, подававший помощь молодому офицеру вечером 25 мая. Опознал гвардейского сапера и приказчик Вишневский, в оружейном магазине которого на Невском проспекте были в двадцатых числах мая приобретены складной нож военного образца без стопора и револьвер.

Последний «гвоздь в гроб» подозреваемого забил тот же Сенья Бергман, которому с фотографией Ландсберга было поручено проверить меняльные лавки, владельцы коих имели патент на работу с ценными бумагами. В лавке купца Горшкова молодой офицер был опознан как человек, который утром 26 мая разменивал здесь банковский билет в пятьсот рублей. Номер этого билета, занесенный щепетильным лавочником в свои книги, совпал с одним из номеров, записанных покойным надворным советником Егором Алексеевичем Власовым в своей тетрадке.

Правда, самого Ландсберга на месте преступления 25 мая и в предшествующие дни, никто, кроме дворника Якова Дударова, не видел. Но это обстоятельство мало тревожило Путилина и его сыщиков, ибо остальные улики и свидетели были для барона прямо-таки убийственными.

С этими уликами и свидетельствами Путилин, тяжело вздыхая, и поехал на доклад к градоначальнику Северной столицы.

* * *

Генерал от кавалерии Зуров был утвержден столичным градоначальником в мае 1878 года, сразу после окончания второй турецкой кампании и трагической гибели от рук бомбиста прежнего градоначальника, генерала Трепова. Нельзя сказать, чтобы это назначение привело кавалерийского генерала в восторг, и уже первые недели в новой должности подтвердили самые худшие его опасения.

«Лошадиный» генерал, как сразу же после назначения осторожным шепотком окрестила его придворная богема, в новой должности чувствовал себя довольно неудобно. Другое дело – кавалерия! Там все просто и понятно. «По ко-о-ням!» – и лава катится на острие облака пыли. «Шашки – во-он!» И над лавой засверкает зыбкое и страшное своей неотвратимостью сверкающее море клинков.

А здесь? В присутствии градоначальника – толпы просителей. Тут же – прожекторы с уморадражительными планами городского благоустройства. И – деньги, деньги, деньги... Зурову раньше и в голову не приходило, как много средств требует чистота столичных улиц, поддержание порядка на набережных, в парках, строительство новых зданий, строительство и ремонт мостов. А эти подрядчики, всплошную мошенники и казнокрады, так и норовящие приписать к сметам расходов несуществующие траты!..

В довершение всех нынешних бед, у нового градоначальника обострилась беда биографического свойства. Дед Зурова, земля ему пухом, «наградил» в свое время его отца невообразимым именем. Внуку, соответственно, досталось трудное для запоминания отчество. И Александр Елпидифорович только раздувал в гневе крылья длинного тонкого носа, слушая, как старательно, боясь ошибиться, выговаривают его имя-отчество и просители, и умудренные царедворцы. А ежели кто-то нечаянно или намеренно – были и такие, будьте покойны! – выговаривал отчество с ошибкой, то генерал прямо-таки спиной видел, как присутствующие при сем конфузе либо лицедействе старательно прячут улыбки в платки или обшлага рукавов. Хотя что тут сложного и непроезжимого – Елпидифор, Елпидифорович...

Но едва ли не самую сильную головную боль градоначальнику доставлял столичный преступный элемент. Воры и разбойники не щадили никого. Иной раз на плохое состояние городского правопорядка жаловались и великокняжеские фамилии. Жаловались, естественно, и государю, а тот, кривя губы, выговаривал за непорядки в столице ему, Зурову. А за что? Не градоначальник же, право, направлял неразумных жертв преступного произвола в подозрительные места огромного города. Слава Богу, что хоть бомбистов этих взял под свой контроль и пригляд Жандармский корпус, освободил градоначальника от забот по их отысканию и пресечению террора.

Но и без них у градоначальника хлопот хватало с избытком! Император взял в обыкновение едва не еженедельно принимать у Зурова доклады о состоянии городского правопорядка, о дерзких преступлениях, имевших место быть, и мерах, направленных к искоренению таковых. Градоначальнику, соответственно, обо всем этом докладывал ранее начальник Сыскной полиции Санкт-Петербурга, Путилин.

Ох уж этот Путилин! Умнейший человек, хоть и не потомственный дворянин. Отдавая должное человеку, сумевшему организовать в полицейском департаменте столицы много дельного и полезного, Зуров начальника Сыскной полиции все-таки недолюбливал.

Во-первых, усы и бакенбарды тот взял дерзость иметь весьма похожие на его, зуровские. Подбородок Путилин брил чисто, а вот похожие на зуровские пушистые бакенбарды часто были слегка растрепанными. И все по причине неискоренимой мужланской привычки в минуты задумчивости крутить из них косицы.

Во-вторых, Путилин, несмотря на свою высокую должность, до сих пор принимал личное участие в расследовании дерзких преступлений. И при этом не считал зазорным, как передавали Зурову, устраивать всяческие маскарады с переодеванием и шатанием по самым подозрительным притонам. Не к лицу такое дворянину, да еще в генеральской должности! Правда, подобный образ действий часто приносил Путилину великолепные результаты, и подлые обычно «щелкоперы» в газетах хвалили его до небес – тогда как Зурову от газетчиков частенько доставались одни лишь ехидные намеки да дерзости.

30 мая 1879 года Зуров принял у себя Путилина, как обычно – в девять с половиной часов утра. Настроение у градоначальника было неважным, а причина крылась в двух сегодняшних газетных заметках и вчерашнем внеочередном выговоре государя – совершенно Зуровым незаслуженного! Поэтому, не дав Путилину и рта раскрыть, Зуров начал с упреков:

– Что же это делается, милостивый государь! Почему городской градоначальник должен узнавать новости о дерзких преступлениях из уст императора? В газетах уже об этом пишут, а вы, драгоценнейший Иван Дмитриевич – ни гу-гу! Или вы не считаете двойное убийство в Гродненском переулке за преступление, достойное внимания начальника столичной Сыскной полиции?

Путилин не смутился:

– Вот как? Его императорское величество уже знает об этом? А из каких, позвольте поинтересоваться, источников? Чем это убийство привлекло высочайшее внимание? Таких происшествий в столице, к сожалению, предостаточно...

– Подержите, подержите еще тут, милостивый государь! – не сдержавшись, рыкнул градоначальник. – Впрочем... Дело в том, что Великий князь Константин Николаевич принимал вчера двух немецких коммерц-советников, коих черт соблазнил по приезду в нашу Пальмиру снять для проживания квартиру в Гродненском переулке. Вот уж немецкая экономия, доложу я вам! Банки имеют оба, миллионщики – с государственным визитом, считай, в Россию прибыли, нет чтобы приличное их положению в обществе жилье в спокойном центре города снять – дешевыми квартирами Гродненского переулка соблазнились! Тьфу! А ведь были приглашены в Петербург по личному повелению его императорского величества, для устройства крупного денежного займа!

– Да уж, – покрутил головой Путилин. – В том переулке за пятак, днем, извините, головенку проломают. А уж ночью...

– Вот-вот, Иван Дмитрич! Вчера утром германцы стали свидетелями полицейской суеты в своем переулке. И местные обыватели наговорили им еще про зарезанных в своем доме субъектов. Наслушавшись страстей, немчура на аудиенции у государя по поводу ожидаемого им займа, не постеснялась наговорить его величеству ужасов про свое опасное житье в российской столице. Упрекнули, можно сказать, чуть ли не лично государя. Ну и Великий князь Константин Николаевич, будучи на аудиенции, маслица в огонь подлил, не удержался... В общем, успокоив сколько можно германцев, государь срочно вызвал меня. И изволил сообщить, что если немцы уедут из России к себе, как обещались, не давши денег, то и градоначальнику дорожка светит в свое имение, с позорной отставкою!

– Понятно. Да, преступление, прямо скажем, нехорошее. Боюсь, что его последствия доставят много хлопот и неприятностей... Однако прежде хотел бы заметить, ваше высокопревосходительство, что само преступление было обнаружено около десяти часов утра вчерашнего дня. То есть уже после моего вчерашнего доклада вам. А газеты на вашем столе и вовсе сегодняшние, вчера знать про них я не мог, ваше высокопревосходительство! Зато сегодня я уже могу рассказать вам об этом убийстве гораздо больше. Боюсь, правда, что сии подробности не доставят вам удовольствия.

– Говорите, Иван Дмитриевич! Убийцы найдены?

– Преступник пока не схвачен, но нами определен. Впрочем, позвольте по порядку. Итак, вчера утром некий маляр, взявший подряд на покраску фасада дома № 14 в Гродненском переулке, заметил снаружи через окно в одной из квартир лежащее на полу тело. Дверь квартиры вскрыли и обнаружили двойное убийство – надворного советника Власова и его старухи-прислуги. Удалось установить, что убийство совершено несколькими днями раньше, 25 мая. И если бы не маляр, то трудно сказать, когда сии хладные тела были бы обнаружены. Убиенный хозяин квартиры – отставной чиновник, холост, из родственников у него только брат, да и тот имеет жительство в Костроме. Мотивом сего преступления, скорее всего, является корысть, ибо у Власова похищены ценные бумаги.

– Этот Власов что – ростовщик?

– Не думаю, ваше высокопревосходительство! Ни соседи, ни дворник не отметили частых визитов к Власову незнакомых людей, как это обычно бывает у ростовщиков и займодавцев. Сам покойник при жизни был таким анахоретом, посещали его – и то нечасто – лишь двое знакомых.

– Как убийцу определили? А если определили, то почему не арестовали?

– К этому я сейчас и веду, ваше высокопревосходительство. Ряд деталей на месте убийства говорил о том, что злодей при совершении им убийств сильно сам порезался. Ввиду этого, я направил своих людей в места, где раненому могла быть подана медицинская помощь. И вот – представьте! – в аптеке на Гороховой, что у Каменного моста, припомнили, что 25 мая поздно вечером к ним обратился молодой офицер, у которого была сильно рассечена правая ладонь.

– Час от часу не легче! Теперь еще и офицер! Надеюсь, не кавалерист?

– Дежурный провизор и его помощник, промывавшие рану, немцы. В России они недавно, и в армейских мундирах и знаках различия разбираются плохо. Они, правда, обратили внимание на то, что во время болезненной процедуры промывания раны офицер вскрикнул и произнес несколько слов по-немецки. Это дало аптекарю основания предположить, что раненый – его соотечественник. Дворник и управляющий домом Дрейер, вторично нами допрошенные, показали, что один из знакомых Власова, посещавший его – гвардейский сапер. Ни фамилии, ни полка, разумеется, никто не знал – только дворник припомнил, что Власов называл офицера Карлом. Имя немецкое, как изволите видеть, ваше высокопревосходительство.

– Боже мой, куда катится Россия! Гвардейский офицер – и убийца, а? Уму непостижимо! Час от часу не легче!

– Погодите, Александр Елпидифорович, это еще не все! В казармах лейб-гвардии Саперного батальона, который расквартирован в соседнем, Саперном переулке, мы без труда установили личность этого Карла. Им оказался делопроизводитель прапорщик фон Ландсберг. Один из его сослуживцев припомнил, что тот как-то знакомил его с отставным чиновником Власовым. Так что все сходится, ваше высокопревосходительство!

– Ну а что этот фон Ландсберг? Нашли его?

– Нашли! Кстати, отзывы о нем самые благожелательные, ваше высокопревосходительство. Участник последней Турецкой кампании, и с генералом Скобелевым повоевал, и в Коканде. Имеет награды – Анну и Станислава четвертых степеней с Мечами и Бантами. Служил под началом Наместника государя, генерал-адъютанта Кауфмана в Туркестане. С товарищами по батальону вежлив и добр. По службе никаких претензий не имеет. Имеет знакомства и в высшем свете.

– Игрок, поди?

– Уверяют, что нет. И вот еще какая странность, ваше высокопревосходительство! Судя по всему, родня у фон Ландсберга отнюдь не богата. Ведь он, поступив вольноопределяющимся в батальон, по окончании учебы отказался от аттестации на офицерский гвардейский чин! Что предполагает, как известно, большие расходы. И фон Ландсберг, получив весьма высокие оценки по всем теоретическим дисциплинам, вместо аттестации стал добиваться

назначения в Бухарскую экспедицию генерала Кауфмана. В боевых условиях, как вы знаете, ваше высокопревосходительство, чинопроизводство идет гораздо быстрее. Да и жалование офицера в боевых обстоятельствах в десять раз выше, нежели в Санкт-Петербурге, на зимних квартирах. В общем, после возвращения с Турецкой кампании Ландсберг жил, как уверяют, на широкую ногу. Имел намерение жениться, и даже был обручен с девицей из высшего общества. Настолько высокого полета, что выше-то и некуда, ваше высокопревосходительство!

– Ну, не тяните душу, Путилин. Он что – признался?

– Сей момент – дойду и до этого. Командир Саперного батальона, князь Кильдишев, с утра 26 мая предоставил фон Ландсбергу, по его просьбе, недельный отпуск по семейным обстоятельствам. Просьба об этом отпуске явилась для начальства, по его собственному признанию, неожиданной. А явился он к адъютанту князя с перевязанной рукой. Это подтвердил и врач батальона, который накануне наложил на резаную рану правой ладони несколько швов. Сам фон Ландсберг объяснил доктору рану неосторожностью при чистке сабли.

– Правую руку – поранить саблей? Чушь, милейший! Он, конечно! Позор-то, позор каков, а? Боевой офицер – и на тебе! Надеюсь, он догадался пустить за это время пулю в лоб?..

– В бумагах покойного Власова найдены любопытные документы, – меж тем продолжил доклад Путилин. – Во-первых, Власов назначил фон Ландсберга своим наследником и душеприказчиком. Капитал невелик, что-то около сорока тысяч в ценных бумагах, но все же... И еще был найден черновик поздравления, сочиненного Власовым к грядущему бракосочетанию Ландсберга. А в качестве свадебного подарка покойный предполагал вручить ему погашенные векселя на девять тысяч рублей. Эти бумаги, найденные полицией после смерти Власова, лежали на видном месте. На столе, рядом с подсвечником. И были закапаны воском. Все это говорит о том, что убийца наткнулся на эти бумаги и читал их с волнением. Впрочем, волнение могло вызвать и само совершение преступления.

– Погодите, Иван Дмитриевич – совсем запутали! Так что – не Ландсберг убил, что ли? И то сказать – кто ж своего благодетеля резать будет, прости, Господи, как петуха? Совсем вы меня запутали, Иван Дмитриевич! – пожаловался Зуров. И тут же закричал. – Прекратите, ради Бога, плести из своих бакенбард косы! Ровно мальчишка, право! Сию же минуту возьмите гребень, приведите себя в порядок.

– Виноват! Привычка-с... И последнее: мой агент побывал на прежней квартире Власова, где и узнал историю его знакомства с Ландсбергом. Власов после выхода в отставку сдавал внаем лишнюю комнату, а Ландсберг, приехав в Санкт-Петербург учиться на военного, снял ее. Своих детей покойный не имел. Был сильно привязан к юноше, принимал в нем участие.

– Вот видите, Иван Дмитриевич! Я же чуял, что никак не может российский офицер мещан резать! Вы уж того, голубчик! Разберитесь там как следует.

– Всенепременно, ваше высокопревосходительство! Только, боюсь, факты все же свидетельствуют против Ландсберга... Кстати, о его женитьбе. Ландсберг, как выяснилось, недавно был обручен с Марией Тотлебен, младшей дочерью инженер-генерала, принятой ко двору фрейлиной Ее императорского величества...

Зуров, услышав последнюю новость, выкатил глаза до пределов, дозволенных ему природой. Несколько раз открыл и закрыл рот, потом горько махнул рукой.

– Убили вы меня, Путилин. Без ножа убили! Сами кажинный день со своими убийцами валандаетесь, и у них же ремеслу их подлому учитеесь, не иначе! Совсем убили! Как же Его Величеству докладывать-то о таком? И где, наконец, этот Ландсберг? Когда вы предполагаете внести в это дело окончательную ясность?

– Ландсберг уехал из столицы 26-го. Через неделю, 2 июня, отпуск заканчивается. Вот тогда с ним и поговорим. И не извольте беспокоиться, ваше высокопревосходительство: я на всякий случай агентов по его следу пустил. Прямо в Ковенскую губернию, где у его семьи поместье.

– Агентов он пустил! – обреченно махнул рукой Зуров. – Хоть агентов, хоть архангелов с крыльями, мне уж все едино! Но газеты! Газеты, господин начальник Сыскной полиции! Потрудитесь принять все меры к тому, чтобы эти негодяи-газетчики не пронюхали о ваших выводах! Наверняка, кстати, предварительных. Такое ведь напишут...

– Само собой, ваше высокопревосходительство!

– И все-таки я не верю, что убийца из Гродненского переулкa – офицер! – помолчав, убежденно высказался Зуров. – Гвардеец! Дворянин! Не верю-с! Тут, Иван Дмитриевич, я чую какое-то чудовищное стечение обстоятельств. Мыслимое ли дело – да еще накануне собственной свадьбы! Столь удачной партии! Я прошу, я требую, наконец! Проведите самое тщательное расследование этого скандального случая! Никаких арестов! Слышите? Только с моего личного соизволения! А я снесусь с князем Кильдишевым, поговорю с ним... Насчет дочери светлейшего графа Тотлебена сведения верные, Иван Дмитриевич? С графом, может, потолковать приватно? Будущий зятек, как-никак, под старость Эдуарду Иванычу этакий конфуз преподнес...

– Не сомневайтесь, ваше высокопревосходительство! Понимая всю ответственность и принимая во внимания личный интерес государя императора...

– Именно так, господин начальник Сыскной полиции! Именно так! Не обижайтесь – но вам, не будучи потомственным дворянином, трудно, наверное, ощутить меру ответственности, возлагаемой дворянским званием к своему поведению. Ступайте, Иван Дмитриевич! Ступайте и ищите настоящего убийцу.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! Непременно сыщу. Но Ландсберга, воля ваша, я все же по его возвращению в столицу арестую...

* * *

Прапорщик фон Ландсберг, как и обещал Путилин, должен был быть взят 2 июня на дебаркадере Варшавского вокзала. Это «литерное» мероприятие Путилин планировал произвести, по настоянию градоначальника, самолично. К моменту возвращения Ландсберга в столицу сомнений о его причастности к двойному убийству в Гродненском переулкe у Путилина не осталось.

Выслушав вторично вызванного внеурочно по гродненскому делу начальника Сыскной полиции, Зуров некоторое время помолчал, глядя на бесшумно меняющуюся за тройными стеклами окон кабинета суету городской жизни.

– Bravo, господин Путилин! – наконец заговорил градоначальник. – Bravo! Ваша служба – и вы лично, разумеется! – проявили столь много усердия в раскрытии этого дела, что прямо не знаешь, благодарить вас или... поругать хорошенько...

– Ваше высокопревосходительство, до сей поры я полагал, что задачи вверенной мне Сыскной полиции столицы заключаются именно в восстановлении истины и справедливости...

– Оставьте это, господин Путилин! – Зуров много раз доказывал свою личную храбрость на полях сражений и не боялся служебных интриг. – Нет ничего предосудительного в том, что я глубоко сожалею о том, что при огромном скопище негодяев и убийц в Санкт-Петербурге гнусное убийство, тем не менее, совершил потомственный дворянин, гвардейский офицер. Да-с, сожалею! А еще больше я сожалею о том, что столь очевидного безумства этого сапера не хватило на то, чтобы, ужаснувшись содеянному, сразу пустить себе пулю в лоб! Ваши люди следили за Ландсбергом в его поездке, Иван Дмитриевич? – неожиданно и безо всякого перехода спокойно спросил Зуров.

– Всенепременно. Вслед за Ландсбергом в Ковенскую губернию выехали, как я вам и докладывал, два моих опытных агента наружного наблюдения. Из их телеграфных депеш я

знаю, что Ландсберг не покидал пределов поместья, почти не выходил из дому. Подробный отчет будет представлен вашему высокопревосходительству сразу после ареста.

– Да-да, конечно. А о самом офицере удалось собрать какие-либо дополнительные сведения? Я имею в виду мотивы, проливающий свет на причины этого ужасного, недостойного дворянина преступления?

Путилин невесело усмехнулся.

– Должен вам заметить, ваше высокопревосходительство, что господа офицеры гвардейских полков весьма щепетильно относятся к любым попыткам получить хоть какие-то сведения, касающиеся членов их воинского братства. Одного из моих агентов выбросили прямо из окна буфетной Офицерского собрания Саперного батальона. А второго, наводящего осторожные справки о Ландсберге в казармах, едва не зарубил саблей какой-то разъяренный «дерзостью штафирки» офицер. Тайную полицию, господин градоначальник, никто не любит. Ну, преступному элементу, как говорится, сам Бог любить нас не велел. А вот армейские офицеры, скажите, сделайте милость, ваше высокопревосходительство, они-то отчего на нас волками глядят? Одному государю служим, печемся, по мере сил, о пользе своей Отчечеству. Впрочем, вряд ли вы, Александр Елпидифорович, станете в этом вопросе на сторону полицейских властей... Прошу простить невольный упрек, ваше высокопревосходительство! А что касается огласки – не извольте беспокоиться: подозрения относительно Ландсберга, согласно вашему указанию, содержатся от газетчиков в строжайшей тайне.

– Вот-вот, Иван Дмитриевич – в тайне! В строжайшей тайне, улавливаете? – градоначальник снова подошел к окну и продолжил, стоя спиной к Путилину. – Скажите-ка, Иван Дмитриевич, исходя из вашего многолетнего опыта общения с преступным элементом. – Большие пальцы сцепленных за спиной ладоней градоначальника быстро закрутились вокруг себя и снова замерли. – Скажите-ка, а если преступнику становится очевидным то, что его злодейство раскрыто, что арест последует с минуты на минуту... Что впереди – позор судебного разбирательства, ужасы каторги, отречение от него родных и друзей и тому подобное? Каковы обычно его действия?

– Я понял вас, Александр Елпидифорович, – бесстрастно улыбнулся в спину собеседнику Путилин. – Должен сказать, что в моей практике бывали случаи, когда злодеи при аресте делали попытки свести счеты с жизнью. Что же касается Ландсберга, то не могу, разумеется, поручиться за то, что он не предпримет такую попытку. Но если и предпримет... Должен вам заметить, что при аресте преступника полицейские чины всегда имеют в виду подобный вариант развития событий и держатся начеку.

– Начеку... Вот именно поэтому завтрашнее задержание Ландсберга я поручаю провести вам самолично, – Зуров подошел к Путилину, и, глядя ему прямо в глаза, закончил: – Встретите его на вокзале, объявите о подозрениях в его отношении. Предложите проехать для выяснения всех обстоятельств в казармы. Вместе с вами на Варшавском вокзале будут офицеры его батальона – я уже отдал распоряжение батальонному командиру, князю Кильдишеву. Так вот: вам предписывается действовать с этими офицерами в полной согласованности. Прошу обойтись на сей раз без этих полицейских штучек вроде обезоруживания подозреваемого, прилюдного хватания его под локти и прочего. Его товарищи и сам князь, вероятно, захотят первыми приватно побеседовать с прапорщиком. Возможно, непосредственно в казармах у саперов. Я запрещаю препятствовать этому, господин начальник Сыскной полиции! Побеседуют – а уж только потом можете выполнять свой долг.

– Вы предлагаете мне стать бесстрастным свидетелем минутного порыва отчаяния молодого человека? А на тот случай, если у него не хватит духу покончить с жизнью, то этот дух призваны поддержать его боевые товарищи? Извольте дать мне свое письменное указание на сей счет, ваше высокопревосходительство!

– Да не мое! Не мое это указание, Иван Дмитриевич! – закричал в голос Зуров. – Понимаете – не мое! Но самоличное! – градоначальник вернулся за свой стол, встал, опершись о него пальцами, и повторил уже почти просительно. – И не только мое – имейте это в виду! Даже не указание, если уж на то пошло, а... высказанные государем мысли вслух, что ли. В общем, вы свободны!

* * *

До прихода поезда Путилин успел переброситься несколькими фразами с двумя явившимися к тому же времени офицерами-саперами и дать распоряжение своей команде агентов, прибывших на Варшавский вокзал столицы на двух линейках. Офицеры были неразговорчивы, сыщики деловиты и собраны.

Когда паровая машина, удушливо шипя и плюясь во все стороны дымными и паровыми струями, подтащила к дебаркадеру пассажирский состав, Путилин уверенно пошел к третьему вагону. Офицеры следовали за ним в двух-трех шагах. Агенты и сыскные – кто с дворниковой бляхой, кто в полотняном переднике вокзального носильщика, кто под видом ротозеев – плотно взяли дебаркадер в кольцо.

Путилин, одетый в партикулярное платье, обращал здесь на себя внимание разве что своими диковинными пушистыми бакенбардами. Ландсберг с небольшим саквояжем в руке – Путилин узнал его по повязке на правой кисти и, разумеется, мундиру сапера, выйдя из вагона, смотрел только на двух своих однополчан.

– Господа! А вы-то здесь какими судьбами?! – удивился Ландсберг, и в этот момент Путилин, приблизившись, легко тронул офицера за локоть.

– Господин Ландсберг? Карл фон Ландсберг? – Путилин всматривался в лицо человека, знакомое ему по фотопортретам – и не узнавал его.

Глаза. Они жили на лице Ландсберга своей обособленной жизнью. Менялась мимика лица – от удивления по поводу встречи с однополчанами до недоверчивости к незнакомому человеку, неожиданно назвавшему его по имени. Глаза цвета холодной стали при этом ничуть не менялись – они смотрели так же отрешенно и как бы сквозь человека. Что-то дрогнуло в лице офицера, когда остановивший его, незнакомец мягко, но настойчиво повторил:

– Изволите быть Карлом фон Ландсбергом?

– Да, это я... Простите, но с кем имею честь?

– Я тайный советник Путилин. Начальник Сыскной полиции Санкт-Петербурга.

– Ах да, полиция! – Ландсберг словно бы и не удивился неожиданной встрече и замолчал, глядя себе под ноги.

– Вы задержаны, господин фон Ландсберг! – От того, что на портупее офицера не было кобуры с тяжелым револьвером, Путилин почувствовал себя гораздо увереннее. – Причина вам должна быть известной. Предупреждаю: вокзал оцеплен, бежать и сопротивляться не советую. Надеюсь, вы не желаете публичного скандала?

– Ничуть...

– Тогда предлагаю пройти вместе с господами офицерами, экипаж ждет вас. Сначала проедем в казармы батальона, там с вами желают поговорить. Желаете объясниться со мной – побеседуем по дороге. Будьте благоразумны, господин фон Ландсберг! – последнюю фразу Путилин произнес чуть громче – видя, что офицер оглядывается, будто проверяет его утверждение об оцепленном вокзале.

Пожав плечами, Ландсберг послушно направился за Путилиным к нескольким экипажам, стоявшим у вокзала отдельной группой.

– Вы обвиняетесь в том, что насильственно лишили жизни отставного надворного советника Власова и его прислугу, мещанку Семенидову, в его квартире в Гродненском переулке, – дождавшись, пока Ландсберг заберется в экипаж, произнес Путилин.

– Какая чепуха! – фыркнул было один из встретивших офицеров. Второй сжал ему локоть. Ландсберг хотел что-то сказать и даже приостановился, но потом махнул рукой и отвернулся.

Сыщиков, ехавших на пролетках следом за арестованным, на территорию батальона и в казармы не допустили. Путилина, шедшего чуть позади Ландсберга, в приемной полковника Кильдишева мягко придержали за локоть.

– Господин полковник желает побеседовать с прапорщиком фон Ландсбергом с глазу на глаз, – произнес над ухом Путилина адъютант командира с погонами подпоручика.

Второй раз за локоть начальника Сысской полиции мягко придержали, когда Ландсберг через несколько минут вышел из кабинета полковника и в сопровождении двух офицеров направился к выходу.

– Соболаговолите подождать, ваше превосходительство! Прапорщик Ландсберг исполняет... исполнял, пардон, в батальоне должность финансового делопроизводителя. И на время полицейского дознания должен сдать дела, – так же тихо проговорил подпоручик, всем своим видом выказывая вздорность каких-то там полицейских дознаний. – И не извольте беспокоиться: господин фон Ландсберг никуда не убежит. Полковник Кильдишев поручается в этом своим честным словом. Или вы там у себя, в полиции, не верите в честное слово князя и боевого офицера?

Подпоручик явно нарывался на скандал, но Путилин счет за благо промолчать. Должность его соответствовала генеральской, старше его по чину здесь не было никого, включая командира батальона. Можно, конечно, было поставить это мальчишку-адъютанта на место, но к чему, зачем? Неприязнь же и даже ненависть строевых офицеров к полицейскому сословию была общеизвестной. И никакой скандал этого не изменит!

Путилин пожал плечами и снова опустился на диван, демонстративно глянув при этом на часы. Пусть мальчишки хорохорятся, решил он. Пусть – главное, Путилин был отчего-то уверен в том, что стреляться Ландсберг не станет. Хотя – в этом начальник сыска был также убежден – такую возможность ему непременно предоставят.

Так оно и вышло. Спустя четверть часа Ландсберг вернулся в приемную бледным до синевы – но сохраняя спокойствие. Лишь дрожащие пальцы говорили о том, что ему только что пришлось сделать трудный выбор.

Ретроспектива-2

Вернулся новый открыватель столицы в свой Басков переулок на извозчике – «ваньке», нанятом за 25 копеек. Это, конечно, было мотовство, пенял себе Карл. Да, мотовство – но как иначе, скажите на милость, доставить на квартиру будильник, глобус, большущий куль мятных пряников, проданных земляку немцем-кондитером из Ковенской губернии со скидкой, а также бумагу, тетради и банку с ваксой для сапог?

Поздно вечером того восхитительного дня Карл Ландсберг под оглушительное тиканье будильника размером со сковородку сочинял первое письмо домой.

«А завтра у меня начинаются занятия. Предметов для изучения очень много. Чтобы вы имели представление о военной службе, перечислю:

Общая тактика Фортификация Военная типография

Военная администрация Военная история Законоведение

Воинские уставы Воинская география Военная гигиена

*Атака и оборона крепостей Минное искусство Подземно-минная борьба
Подрывное дело Подводные мины Строительное искусство
Железнодорожное дело Военные телеграфы Искровая связь
Электротехника Закон Божий Немецкий язык
Французский язык Латинский язык Древнегреческий язык
Русский язык и риторика Сопротивление материалов
Теоретическая механика Гидравлика
Военные дороги и военные мосты Русская литература
Верховая езда Фехтование Гимнастика
Огневое дело и баллистика*

Самое главное: жить я, любезная матушка и братец Генрих, стану, как и др. воспитанники-вольноопределяющиеся, на вольной квартире, которую я уже нашел совсем недалеко от казарм. Это потому, что занятия начинаются очень рано. Квартиру, дрова и свечи оплачивать будет казна, однако нам сказали пока заплатить самим. Завтра выдадут деньги на питание, и мы будем выбирать артельщика для закупок и кашеваров для обедов. Хозяйская прислуга будет подавать утром и вечером чай с сахаром (моим), а все остальное придется покупать. Наверное, стирать придется тоже на квартире, спрошу потом у хозяина. Хорошо, что ты, Генрих, оставил мне 5 р., хватило заплатить за 2 мес. вперед, как и положено. Купил еще будильник и глобус, которые мне необходимы. Ну, вот пока и все. Горячо всех обнимаю – ваш Карл».

Р. С. Мой квартирный хозяин – господин Власов Егор Алексеич, служил раньше по медицинской части, имеет чин отставного надворного советника. Жены и деток не имеет, принял меня очень хорошо!

Впрочем, очень скоро восторженное впечатление Карла от своего квартирного хозяина несколько поблекло. Поначалу же не было ничего удивительного в том, что юный Ландсберг искренне потянулся на доброжелательное внимание совершенно чужого человека. Да и сам старый холостяк Власов, никогда не имевший семьи, вполне искренне обрадовался возможности взять под опеку молодого человека. Однако своих многолетних холостяцких привычек Власов изменить не мог, да, пожалуй, и не хотел.

Егор Алексеевич Власов с молодости был расчетлив и недоверчив к людям. С годами расчетливость переросла в страсть к накопительству и скупость. Уже на второй день пребывания на квартире, перед обедом, Карл стал свидетелем довольно безобразной сцены. Власов, усаживаясь за стол, строгим голосом позвал служанку и учинил ей форменный разнос за цену, которую она утром уплатила на рынке за рыбу.

– Врешь, старая! – орал с брызгами слюны, и совершенно не стесняясь квартиранта, Власов. – Третьего дня рыба стоила по-божески! А нынче?! Воруешь у своего благодетеля? На свечи хочешь сэкономить, когда на богомолье свое отправишься?!

– Бог свидетель, невиноватая я, Егор Алексеич! – слезно оправдывалась старуха, как выяснилось впоследствии, дальняя родня Власова. – Постыдились бы молодого человека, ей-Богу!

– Ах ты, дрянь! – Власов, привстав, отвесил прислуге звонкую пощечину, отчего та, закрывши лицо передником, в слезах уковыляла на кухню.

Власов же, как ни в чем ни бывало, заткнул за воротник салфетку и с аппетитом принялся за обед, похваливая (!!) кулинарные способности Семенидовой и уговаривая Ландсберга взять еще кусочек. Впрочем, предложив добавку разок, Власов тут же забрал остатки к себе на тарелку, заставив Карла втайне пожалеть о своей деликатности и нерасторопности.

Узнав о том, что Семенидова приходится Власову хоть и дальней, но родней, Карл, улучив подходящий момент, спросил у нее: отчего она не садится за общий стол, а ест на кухне?

– Всяк сверчок должен знать свой шесток, – вздохнув, ответила старуха. – Не мне бога гневить, Карл Христофорыч! На старости лет в тепле живу, не в приюте. Егор Алексеич, когда меня к себе взял, то прежнюю кухарку рассчитал. Уважил, стало быть, меня! Ну а что ругает иногда – так на то он и хозяин!

Буквально через день-два, в очередной перепалке с Власовым, старуха в запальчивости попрекнула того тем, что хозяин платит ей, «сродственнице» меньше, чем другие господа прислуге. И за стол свой не садит, стыдится...

– Ду-ра! Дура! – наливаясь кровью, выкрикнул Власов. – За стол ее, убогую, не сядят! Ты лучше вспомни – где я в юности у твоего деда сживал, а? А какие объедки мне, как собаке, бросали? Вспомни, как ты, девчонка еще, надо мной смеялась! Помнишь? А нынче тебе тут не нравится? Так я тебя не держу-с! Не нравится – вот тебе Бог, а вот тебе порог!

Между тем к юному квартиранту отношение Власова было неизменно доброжелательным. Ежевечерне он деликатно стучал в дверь комнаты Карла, и если видел, что тот не сидит над учебником либо схемами-чертежами, то заходил, звал на внеурочный чай, расспрашивал о семье, о предках. И даже вызвался было начертать генеалогическое древо семейства Ландсбергов.

Словом, все было хорошо в новой, «взрослой» жизни Карла – если бы не изводила его приставаниями уличная ребятня.

* * *

– Немец-перец-колбаса, на веревочке оса! – зачастил фальцетом привычную дразнилку худой рыжий мальчишка, заметивший вывернувшего из-за угла Карла Ландсберга. Тот только вздохнул, нахмурился и, делая вид, что не имеет к дразнилке никакого отношения, продолжал шагать в сторону дома.

Но сегодня ватага мальчишек, ежедневно портящих жизнь вольноопределяющемуся Саперного батальона Карлу фон Ландсбергу, одной-двумя дразнилками и даже комком грязи в спину не ограничилась. Рыжий заступил Карлу дорогу, кривляясь, строя рожи и явно нарываясь на стычку. С другого тротуара за событиями внимательно следила стайка ребят постарше. Двух братьев-близнецов, сыновей лавочника из мясной лавки «Громов и сыновья», Ландсберг знал. Еще двое из этой компании были ровесниками Карла либо чуть постарше его. Парнишки были из бедных семей и всюду заглядывали в рот сыновьям лавочника.

Чтобы не столкнуться с рыжим задирой, Карл был вынужден остановиться:

– Эй, малец! Тебе чего надо-то?

– Гривенник дай! – тут же нахально потребовал рыжий и даже протянул к лицу Карла грязную ладонь. – На конфеты да папиросы!

– Курить тебе еще рано! – снова по-взрослому возразил Карл. – А на конфеты зарабатывать надо, а не стоять с протянутой рукой.

А рыжий, изловчившись, больно ухватил Карла двумя пальцами за нос и громко закричал:

– Ах ты, немец-перец несчастный! Ты по нашенской улице скока даром ходишь – давай гривенник, говорю!

Рассердившись, Ландсберг без труда оторвал от своего лица грязную руку оборванца, ловко вывернул ее и легонько поддал рыжему под зад. Совсем легонько поддал – однако рыжий, нарочито взыв от боли, покатился по тротуару. Мигом оказавшиеся рядом близнецы-крепыши, разом подворачивая рукава, стали грозно наступать на Карла:

– Ах, ты, гаденыш немецкий! Нашенских бить?! На слабых силу пробуешь?!

Краем глаза Карл заметил, как двое других парнишек зашли ему в тыл. Деваться было некуда. Отскочив назад, Карл прижался спиной к стене и быстро снял с шинели ремень, бляха которого была по гимназическому «стандарту» залита свинцом.

– А-а, он свинчатку в ремне таскает, немчура проклятая! – во весь голос заорал один из близнецов, доставая гирьку на цепочке. – Ну, мы ты тоже угостим кой-чем!

В горле у Карла мгновенно пересохло: гирька на цепочке – это было серьезно. Однако беды не случилось. Выглянувший из лавки мясник Громов прикрикнул на сыновей:

– А ну, байстрюки, марш домой!

Гирька мгновенно исчезла, а близнецы тут же стали громко жаловаться отцу на «нахального немца», который каждый день их задирает, а вот сегодня даже ремнем со свинчаткой хотел ударить.

Улочка была узкою, и лавочник Громов пересек ее в три шага. Легко вырвал ремень из рук Карла, разглядел тяжелую пряжку-биту и недобро прищурился:

– Ты чего же это, господинчик хороший, мальцов забижаешь?

– Неправда! – возмущенно крикнул Карл. – Я ни к кому не пристаю! У вашего сынка гирька на цепочке – что же, мне ждать, пока он ею стукнет?

– Гирька на цепочке? – переспросил Громов. – Не знаю, не видал ни разу! Да и не таковыские мои Прошка с Данькой, чтобы босяцкое оружие иметь. А вот с тобой, мил-человек, мы сейчас разберемся! Дворник! – неожиданно рявкнул Громов. – Дворник, Тимоха, где ты есть?!

Он крепко ухватил Ландсберга за рукав и оглянулся в поисках дворника. Едва тот, зевая, показался из подворотни, Громов громко приказал ему:

– Свисти городского! Злодея словил, который мальцов забижает! А ты все дрыхнешь – свисти, говорю!

Дворник приблизился, близоруко присматриваясь к пойманному «злодею». Узнав Карла, он сокрушенно покачал головой:

– Какой же это злодей, Тимофей Саввич? Побойся Бога – это же жилец господина Власова, очень порядочный молодой господин! Он тут неподалеку в полку саперном служит – а ты его злодеем кличешь!

– А мне плевать, где он живет и где служит, немецкое отродье! – не унимался Громов. – Вот сведет его городской в часть, а я свидетелем пойду, как он ремнем со свинчаткой тут машет каждый день!

– Ты б за Данькой своим лучше смотрел, – посоветовал дворник. – Вот кто гроза улицы-то нашенской! Отпустил бы ты, Тимофей Саввич, молодого господина добром. Да извинился бы перед ним за своих байстрюков – смотри, как бы тебе неприятностей от властей не вышло!

Громов меж тем продолжал скандалить и требовать городского. Понемногу на улице вокруг сгорающего со стыда Ландсберга начала собираться толпа. И неизвестно, чем бы кончилось дело, не показись в улочке пролетка с двумя офицерами-саперами.

Совсем было проехали мимо офицеры – да один из них, Марк Ивелич, узнал вольноопределяющегося своего полка Ландсберга. Он велел извозчику остановиться, мельком что-то сказал второму офицеру и оба они, соскочив с пролетки, подошли поближе. Без особых церемоний отодвинув локтем лавочника, Ивелич строго подозвал к себе Карла:

– Вольноопределяющийся фон Ландсберг, ко мне!

Лавочник, услышав дворянскую приставку «фон», так и разинул рот, опустил руки. Воспользовавшись этим, Ландсберг вырвал у него свой ремень, мгновенно затянул его на шинели, расправил складки и шагнул к офицеру:

– Ваше сиятельство, господин прапорщик, – начал он, вытягиваясь во фронт.

– Вольно! – перебил его граф Ивелич. – Что тут происходит? Объясните, фон Ландсберг!

Путаясь в словах и отчаянно боясь, что ему не поверят, Карл быстро рассказал все.

– Все понятно, Карл! Успокойся! – Ивелич медленно повернулся к лавочнику и поглядел на него так, что Громов попятился. – Ты кого, быдло штатское, за обмундировку хватать посмел, а? Ты что – пьян? Перед тобой вольноопределяющийся нашего Саперного лейб-гвардии батальона, дворянин фон Ландсберг, дурак! Царев слуга, будущий офицер и защитник Отечества! Как ты посмел его лапами своими касаться, сволочь?!

– Дак... Дык не знал я, ваше сиятельство! – забормотал Громов, поспешно отступая в сторону спасительной лавки. – Гляжу, мальцы драться собрались – ну и, не разобравшись...

– Пошел вон, скотина! – совсем было закончил разговор Ивелич, однако, заметив тяжело подбегавшего городского, передумал. – Городовой! Я прапорщик Саперного лейб-гвардии батальона граф Ивелич! Со мной – поручик Трошин и вольноопределяющийся фон Ландсберг!

– Слушаю, ваше сиятельство! – городской молодецкато кинул руку к козырьку.

– Вот и слушай, братец! Во-он та пьяная скотина только что жестоко оскорбила в нашем лице мундир гвардейского офицера. Сведи-ка ты его, братец, в часть, да оформи протокол. Рапорт напишешь потом на имя его сиятельства князя Кильдишева, командира батальона.

– Слуш-шусь! – Городовой ловко ухватил за шиворот Громова и, подпихивая в спину второй рукой, потащил в полицейскую часть.

– Жалко, что «лозаны» отменены, – посетовал Ивелич, увлекая за собой Ландсберга в другую сторону. – А то хорошо бы этому быдлу, да по филейным частям...

У пролетки офицеры замешкались: и места там было только два, да и Ландсбергу, носившему солдатскую шинель, ездить в экипаже по воинскому уставу не полагалось, тут не спасала и трехцветная окантовка погон «вольноперов».

– Спасибо, господа! – шаркнул ножкой Карл. – Признаюсь, вы выручили меня из серьезных неприятностей!

– Пустое, Ландсберг! – махнул перчатками Ивелич. Он был старше «вольноопера» всего на два года, но разница казалась больше из-за лихих усов и щегольской парадной формы с саблей на боку.

– Слушайте, Ивелич, а если б вас не оказалось рядом? – ужаснулся вслух Карл.

– Хм! Трудно сказать... Гвардию, как ты видишь, городские уважают. О том, чтобы свести в участок гвардейца, даже сильно напавшего, не может быть и речи. Однако этого осто-лопа могла ввести во смущения твоя солдатская шинель.

– Что же мне делать, господа? Квартиру менять? Я ведь неподалеку квартирую, и по пути к дому Власова мне этого переулка никак не миновать! Меж тем эти паршивцы-мальчишки все время тут ошиваются.

– Ну-у, Ландсберг, это все, считайте, в прошлом! – рассмеялся Ивелич. – Лавочника, по моему наущению, наверняка посадят в «холодную» до утра. Хоть бы и для страховки, полагая, что господа офицеры действительно доложат своему командиру об оскорблении мундира. Завтра, вернувшись, он выпорет своих чад как сидоровых коз – и никто вас больше трогать не будет, уверяю! Поехали, Трошин!

Уже на следующий день, возвращаясь после занятий в казармах домой, Ландсберг убедился, что Ивелич был прав. С некоторой опаской завернув в переулок, ведущий к Спасской улице, Карл снова увидел своих мучителей-подростков. Однако сегодня их поведение разительно отличалось от вчерашнего!

Рыжий заводи́ла и двое приятелей-переростков, игравших в «пристеночку», занятие свое тут же бросили и отвернулись. Сыновья же лавочника, пошептавшись, шмыгнули в лавку, откуда тут же вынырнул их отец. При виде Ландсберга он умильно заулыбался, и, кланяясь, бросился наперез.

– Уж вы простите, господин офицер, ваше сиятельство, что я вчера вгорячах да спьяну вас обидел! Я, ваше благородие, седни с утра, как меня отпустили из полицейской части со внушением, первым делом своих байстрюков перепорол подпругой – ишь, ввели отца во иску-

шение! Простите, ваше сиятельство, и меня, и сыновей моих! – лавочник добавил в надрывный голос слезу. – Не подавайте уж, за ради Бога, в полицию жалобу! Оштрафуют ведь, комиссиями замучают, а то и к мировому потащат. А у того, ваше сиятельство, разговор короткий: на месяц в «холодную» – и будь здоров! А торговлишка как тогда? Один я этих байстрюков рошу, мамка ихняя померла, а мачеха ихняя больше свое рыло в зеркало разглядывает, да прыщи давит. Когда ей за пасынками следить?

– Хорошо... любезный. Забудем, если...

– Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство! – Лавочник грозно обернулся на лавку и прилипшие к окнам изнутри физиономии сыновей мгновенно исчезли в темноте. – Я их, сорванцов, в субботу еще разок выпорю! Для памяти, после баньки! Не посмеют-с более приставать! Спасибо, барин! Вы уж не побрезгуйте, – лавочник заговорщицки подмигнул Ландсбергу и вдруг снова рывкнул, оборотясь назад. – Данька! А ну, сей момент тащи сюда тот кусок телячьего филе, что я для генеральши Емчиновой давеча отложил!

– Что вы! Не надо! – запротестовал Карл.

– Не смущайтесь, ваше сиятельство, я ведь от всей души! Вы барин молодой, науку в казармах постигаете – вон, извините, с лица какой худой! Вам хорошо кушать надобно! А кухарка хозяйская – вы ведь у господина надворного советника Власова изволите жительство иметь? – на квартиранта, видать, совсем внимания не обращает.

Он насильно вручил смущенному Карлу изрядный кусок вырезки, аккуратно завернутый в вощеную бумагу и даже кокетливо перевязанный ленточкой.

– Берите-берите, ваше сиятельство! От души ведь! И скажите старухе Семенидовой, чтоб каждый вторник ко мне приходила за таким кусочком мяса для вас!

Сгорая от смущения, Ландсберг раскланялся с лавочником и поспешил домой. Ему вдруг пришла в голову замечательная мысль: попросить прислугу приготовить из этого филея что-нибудь этакое – и пригласить Ивелича с Трошиным на домашний обед. Он был уверен: хозяин квартиры, явно благоволяющий к офицерам-гвардейцам, возражать не будет.

Придя домой со своим «трофеем», Карл рассказал Власову историю мясной вырезки, перспективах еженедельного получения таковой же, и о своей задумке устроить для нескольких офицеров товарищеский ужин.

Егор Алексеевич пришел от идеи квартиранта в восторг и даже несколько раз попросил рассказать – какая рожа была у этого негодяя-мясника.

Задумка Ландсберга насчет ужина была Власовым полностью одобрена. Он велел Семенидовой принести «трофейный» филей в столовую, развернул и даже понюхал телятину, а потом приказал служанке отнести ее до субботы в домашний холодильник.

Узнав, что среди приглашенных на товарищеский ужин будут граф Ивелич, барон Гейдрих и несколько других гвардейцев с боевыми заслугами, Власов пришел в полный восторг. Не закончив обедать, он побежал на кухню инспектировать имеющуюся дома посуду и столовое серебро.

«Инспекция» закончилась, впрочем, обычным скандалом: Власов обнаружил, что посуда для будущих гостей скверна, серебро плохо почищено, и к тому же не хватает одной чайной ложечки. В конце концов было решено взять приличную посуду, приборы и все прочее в прокат в ближайшем ресторанчике Грибова.

Ландсберг было приуныл, когда старуха Семенидова, немедленно посланная к ресторатору, вернулась от него с известием о том, что тот сдает в прокат столовые принадлежности только при условии найма его официанта и поставки вина из его же ресторации. Но Власов, уже видящий себя за одним столом с бароном, графом и другими героями войны, махнул рукой: гулять так гулять!

– Один раз живем, не правда ли, Карлуша?

И взял, несмотря на возражения квартиранта, все дополнительные расходы на себя.

На следующий же день, в среду, Карл, найдя в казармах Ивелича, Гейдриха и Тишкова, не без торжественности пригласил их в субботу к нему на квартиру – «отужинать чем Бог послал». Офицеры охотно приняли приглашение.

Однако вскоре на сверкающем горизонте предстоящей вечеринки появились первые тучки. За обедом квартирный хозяин был весел, как зяблик, а вот старуха Семенидова, в противоположность ему, выглядела мрачной. На обед она подала рыбу, которую квартирант ел один: Власов обедать благодушно отказался. Между тем в доме явственно пахло жареным мясом – тонкое обоняние Ландсберга умело отличить этот аромат от всех прочих!

Повинуясь больше интуиции, чем подозрению, Карл после обеда, уловив момент, спустился в ледник и с ужасом обнаружил, что доброй половины добытого им филея на полке нет! Это объясняло и отказ Власова обедать, и мрачность кухарки, и рыбу. Его мясо украли! Вернее – дерзко присвоили!

В отчаянии Ландсберг присел на кадушку с солониной, не замечая сырой изморози, царящей в леднике. Для него было совершенно очевидно, что мясо без спроса «ополовинил» хозяин. Но как он мог?! Без его, Ландсберга, согласия? Да еще в преддверии товарищеского ужина, которому и сам был явно рад, и даже великодушно решил поучаствовать в «складчине» с квартирантом, наняв в ресторанчике Грибова официанта с посудой и вином в придачу...

Карла приводила в отчаяние необходимость отмены ужина – это было, конечно, совершенно очевидно!

Так и не решив, что ему делать, Карл поднялся в квартиру, повесил ключ от ледника на гвоздик у входной двери – и увидел хозяина, в упор смотрящего на него из-за штор, прикрывающих дверь в зал.

– Ты ходил в ледник, Карлуша? – деланно удивился Власов. – Странно, мы договаривались, кажется, только о сдаче комнаты... Ах да, там же дожидается субботы наш чудный филейчик!

Ландсберг молча прошел в свою комнату. Власов шел следом, не умолкая.

– Кстати о субботе, Карлуша! С Грибовым я уже договорился – насчет посуды, вина и прочего. Но каков негодяй этот Грибов! Представь: дерет за два часа работы своего официанта рупь с четвертью! Будто это и не официант вовсе, а какой-нибудь наследный принц! А вино – в семьдесят копеек бутылка! С ума сойти! Впрочем, о чем это я – не обращай внимания, Карлуша! Назвался груздем – полезай в кузов, как говорится! Сам предложил посильное участие – стало быть, нечего и жалеть!

– Ужина не будет, Егор Алексеевич, – глухо проговорил Ландсберг, не глядя на хозяина. – Я отменю приглашение, извинюсь перед товарищами. Придумаю что-нибудь...

– Отменишь? Но почему, Карлуша? Рассорился с товарищами?

– Сами знаете, Егор Алексеевич, – тихо вздохнул Ландсберг.

– Н-не понимаю! Решительно не понимаю, Карл!

Старик насупился, зашагал по комнате, без надобности поправляя шторы, занавески, ангелочков на туалетном столике. Затем, сообразив, что свой грех от Карла не скрыть, взял юношу за плечи, икательно улыбнулся в лицо:

– Если вы, милостивый государь, намекаете на то, что я, пожилой человек, позволил себе распорядиться кухарке поджарить себе малюсенький кусочек такого аппетитного филейчика... Ну, захотелось старику побаловать себя – не в лавку же бежать, право! Ну же, Карлуша, не будь таким скупым!

Семенидова из кухни, прислушиваясь к разговору, сердито загремела посудой и заговорила:

– Говорила я вам, Егор Алексеич, что нехорошо без спроса брать мясо у молодого человека! Тем более – перед гостями. Предлагала же сама в лавку сбегать, коли вам так жаркое приспичило!

– Молчи, дура! Кто тебя спрашивает?! – обрушился Власов на прислугу. – Вот, извольте ли видеть, какую моду кухарки взяли – хозяев осуждать! М-молчать, старая!

– Егор Алексеевич, прошу вас! – чуть повысил голос Карл. – Служанка-то тут при чем? И вообще – извините, у меня разболелась голова, я хотел бы прилечь.

– Вот видишь, старая, до чего ты довела своими глупыми причитаниями молодого барина! – закричал, не принимая во внимание несуразность своих обвинений Власов. – А, может, ты оттапала мяса больше, чем тебе было велено, а? А куда дела? Снесла дьякону долгогривому в храм? А ну-ка, живо неси мясо сюда!

– Побойтесь Бога, Егор Алексеич! – захлопала старуха. – Сроду крошки чужой не брала. И не собака, чай, чтобы сырое мясо глотать! Сколько вы показали, столько и отрезала!

Сцена была пренеприятнейшая. Карл плотно прикрыл дверь в свою комнату и бросился на кровать, закрыв голову подушкой – чтобы не слышать визгливых криков Власова и плача Семенидовой. Сегодня же, немедленно отказаться от квартиры! Переночевать разок разрешат и в казарме. А завтра он найдет другую квартиру и съедет от этого ужасного человека!

Решивши так, Карл немного успокоился. Приподнял подушку – крики и плач в квартире смолкли. Вдохнув, Ландсберг вновь обрел способность рассуждать здраво.

С переездом на другую квартиру придется, видимо, повременить: денег у него осталось меньше рубля. Залог же хозяин вправе не отдавать – ввиду скоропалительности отъезда жильца. Да и что он скажет в казармах?

Невеселые размышления юноши прервал осторожный стук в дверь. Карл, не отвечая, повернулся на бок и прикрыл глаза. Пусть стучит! Он спит – и все тут!

Однако Власов оказался человеком упорным. Постучав еще раз, он приоткрыл дверь, заглянул, испытующе поглядел на «спящего» и на цыпочках подошел поближе, присел на край кровати, тронул Карла за плечо и заговорил, снова перейдя почему-то на «вы»:

– Ну же, Карлуша! Откройте глаза, прошу вас! Я же знаю – вы не спите. Ну будет вам на старика сердиться! Виноват, Карлуша, аз грешен, как говорится! Я ведь, знаете ли, хоть человек и обеспеченный, но весьма экономный, да-с! И лакомкой, к тому же, на старости лет сделался. Дай, думаю, попробую дармового мясца...

Старик еще долго что-то говорил, придумывал новые оправдания. Клялся, что завтра же отправит прислугу в самый лучший магазин, за самым лучшим мясом – не чета этому, громовскому! И ужина отменять не надо, упаси Боже! Он, Власов, уже и с ресторатором договорился, и задаток внес – не откажешься. А какие он еще деликатесы к столу заказал!

В конце концов Карлу стало стыдно, что взрослый человек так униженно просит у него, мальчишки, прощения за невинную, в общем-то слабость. Квартирант и хозяин помирились, скрепив мир торжественным рукопожатием.

В заключение Власов, обрадованный прощением, тут же предложил Ландсбергу в случае нужды в деньгах, непременно к нему обращаться.

– Ну, форменного обмундирования мы касаться не будем! – оживленно говорил Власов. – Но и без статской одежды молодому человеку в столице никак нельзя! Простите старика, Карлуша, но я видел сорочки, которые вы отдали Семенидовой в стирку. Помилуйте – да таких в Петербурге уже давно не носят! По таким, извините, провинциала за версту видать. Нет-нет, и не спорьте, Карлуша! В субботу у нас гости, а на воскресенье извольте ничего не планировать! Мы с вами отправимся в магазин Нестерова на Невском. Нестеров, Карлуша, чтоб вы знали, одевает весь петербургский бомонд. И не думайте насчет денег! Даже в голову не берите! Как сможете, так и отдадите.

Вновь последовало торжественное рукопожатие и клятвенные заверения Власова в том, что субботняя вечеринка никоим образом не отменяется.

Придя со службы на следующий день, Ландсберг, решивший было проверить состояние остатков филяе, ключа от ледника на привычном месте не обнаружил. Семенидова же провор-

чала, что ключ забрал себе барин, а квартирантам делать в хозяйских ледниках нечего. Судя по ароматам от недавнего обеда, Власов опять лакомился телятиной. Вздохнув, Карл решил «телячий разговор с хозяином не продолжать, тем более, что Семенидова уверила, что получила от барина деньги и указание о закупке мяса и прочих деликатесов к праздничному столу.

* * *

В субботу, провожая товарищей после дружеского ужина, Ландсберг был, в общем и целом, счастлив и горд. В глубине души его, правда, противно шевелилось несколько червячков. И Марк Ивелич не замедлил извлечь этих червячков наружу.

– Каков сквернавец, однако, этот твой лавочник! – заметил Ивелич, ожесточенно орудуя во рту зубочисткой. – Ты, по-моему, говорил о великолепном телячем филее, Карл? Будь я проклят, если этому «теляти» от роду меньше 20 лет!

– Да уж! – пролепетал Ландсберг, догадываясь, в какой именно «лучший» магазин была снаряжена Семенидова.

– Ладно, не расстраивайтесь, Ландсберг! – покровительственно хлопнул Карла по плечу Гейдрих. – Первый блин всегда комом!

– И вино, вино, Карл! – поддержал Тишков, слывший в казармах великим знатоком горячительных напитков. – По молодости лет вам, конечно, простительно! Но уверяю, барон: вас и тут надули! Перелили в бутылки из-под выдержанного французского вина астраханский «квасок» – и думают, что люди не заметят! Хотите, хоть сейчас заедем в ресторан и устроим небольшой скандалеизище?

– Господа, всех жуликов не переделаешь! – зевнул Ивелич. – Славно посидели, славно поговорили... А твой хозяин, Карл, мне понравился. Сразу видно, что к армейским относится с большим уважением! Держись его, Ландсберг!

* * *

Конфуз с товарищеским ужином заставил Ландсберга держать со своим квартирным хозяином дистанцию. Конфликт в конце концов постепенно забылся, однако Карл держался с Власовым подчеркнуто официально. Не желая быть свидетелем постоянных скандалов, устраиваемых безропотной старухе Семенидовой, Ландсберг всякий раз находил повод уйти из дома. Тем не менее, несколько раз за время своей службы-учебы он вынужден был одалживаться у хозяина: жизнь в столице была дорогой. Выручал брат Генрих, навещавший Карла два-три раза в год. Да и Марго всякий раз при поездке Генриха к младшему брату ухитрялась неизменно укрыть среди домашних гостинцев для младшего брата несколько мелких ассигнаций.

Менять квартиру, как неоднократно порывался Карл, товарищи его всякий раз отговаривали:

– Все они, старые холостяки, одним миром мазаны! Ну, съедешь ты от старого дурня, а где гарантия, что новый лучше будет? Потерпи, брат, до выпуска! Получишь погоны, офицерское жалованье – а там, глядишь, война в Европе какая-нибудь. Или переведут в другой полк – и все забудешь!

И вот пролетело два с половиной года...

* * *

...Он мог бы приехать на побывку к родным после окончания школы вольноопределяющихся – и не приехал. В письме домой он объяснил это нехваткой времени. На самом деле,

воспользуйся Карл тогда правом на отпуск, он наверняка бы не попал в Туркестанскую экспедицию генерал-адъютанта Кауфмана.

Фон Кауфман, немец по фамилии, но истинно православный и русский по духу, как называли его современники, считался при дворе «главным специалистом по инородцам». Он прошел трудный путь от поручика до полного генерала. Был участником подавления бесчинств Шамиля на Кавказе, к началу Крымской войны 1853–1856 годов стал уже полковником. Военное дарование Кауфмана помогло России в этой войне одержать едва ли не единственную победу при взятии Карса. Позже он получил от императора пост генерал-губернатора Северо-Западного края, сменив там Муравьева, прозванного поляками за жестокость подавления варшавского восстания Вешателем.

Наведя в Польше порядок, Кауфман вскоре получил новое назначение, связанное с его умением работать с инородцами. На сей раз путь генерал-адъютанта лежал из прохладных северо-западных областей России в знойную Азию.

Причислиться к экспедиции Кауфмана было непросто: генерал лично отбирал всех претендентов. Ни чьи протекции во внимание им не принимались. Карл Ландсберг сделал ставку на протекцию, игнорировать которую Кауфман просто не мог: его собственную!

* * *

Помогло Карлу то, что в самом начале лета 1875 года неотложные дела призвали Кауфмана из далекого Туркестана в Петербург. Эта командировка было генералу не ко времени: во вверенном его попечению крае было крайне беспокойно. Торопясь закончить в столице все дела и поскорее отправиться обратно, Кауфман до предела сократил список обязательных визитов и даваемых аудиенций. Многих визитеров отсеивали его адъютанты и порученцы, а из ежедневно подаваемого ими списка просителей Кауфман собственноручно вымарывал, как правило, больше половины имен, порой весьма «громких».

Однажды, просматривая уже изрядно «прореженный» адъютантами список лиц, добивающихся его аудиенции, генерал-адъютант увидел уже вычеркнутое кем-то из них знакомое имя. Фон Ландсберг, претендент на офицерский чин, из вольноопределяющихся.

Генерал неистово затряс колокольчиком. Удивленному и испуганному дежурному офицеру он велел разыскать сына Ландсберга-старшего, человека, которого он глубоко уважал.

Пока порученцы метались по столице в поисках какого-то «вольноопера», Кауфман с грустным удовольствием вспоминал давние годы знакомства с его отцом...

* * *

Главным противником Кауфмана, считавшегося во время своего губернаторствования на Северо-Западе фактическим наместником императора, была помещичья вольница. С противниками реформ наместник обходился довольно жестко. Столь же жестко и без оглядок на оппозицию Кауфман проводил в этих краях и крестьянскую реформу государя.

Отец Карла Ландсберга оказался едва ли не единственным в Ковенской губернии помещиком, воспринявшим реформу не враждебно, а с пониманием. Исполняя Высочайший Указ, он выделил освобожденным крестьянам земельные наделы, безоговорочно признал дарованные царским Манифестом крестьянские права. Безоговорочному принятию Ландсбергом реформ был немало удивлен и сам генерал-губернатор Кауфман. И как-то раз, будучи с инспекционной поездкой в Шавлинском уезде Ковенской губернии, он нарочно завернул в поместье Ландсбергов.

Его приняли здесь радушно, но без подобострастия. В ожидании ужина хозяин предложил генерал-губернатору партию в шахматы. Будучи незаурядным шахматистом, Кауфман в этот раз играл невнимательно и сразу допустил несколько серьезных просчетов.

– Почему вы не противодействуете крестьянской реформе, герр Ландсберг? – наконец спросил он у хозяина.

– Ваше сиятельство изволили воевать на Кавказе? – помолчав, вдруг неожиданно ответил старый Ландсберг. – А доводилось ли вашему сиятельству мочиться в горах?

Он, к ужасу свиты Кауфмана, выразился, гораздо прямее, по-солдатски. И, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Смею предположить, что, облегчая свой мочевой пузырь, вы никогда не делали этого против ветра, ваше сиятельство! Такие попытки обречены на конфуз. Так и со мной, ваша светлость: никто не осмелится назвать фон Ландсберга трусом. Но ссать против ветра – не храбрость, а глупость. К тому же мои предки, отдавая шпагу царю Василию, поклялись всегда быть верными слугами своему сюзерену.

С того памятного визита и до конца своего генерал-губернаторства на Северо-Западе фон Кауфман пользовался всякой оказией, чтобы хоть ненадолго завернуть в поместье фон Ландсберга...

* * *

...Карла каким-то чудом все же разыскали. Поговорив пять минут с молодым кандидатом на офицерскую должность, Кауфман спросил прямо – не желает ли Карл, чтобы он, в память об его отце, исхлопотал ему место в столичном гарнизоне? Карл покраснел и попросил у генерал-губернатора другой милости – быть причисленным к одному из отрядов, направляемых в Туркестан, на подавление бунтовщиков в Хиве.

– Но у нас там идет настоящая война, молодой человек! Там мало возможностей сделать карьеру, зато много шансов потерять голову! – поднял брови Кауфман.

– Мне нужна не карьера, а боевой опыт под вашим предводительством, ваше сиятельство!

– Вот единственная милость, которую в роду Ландсбергов просят у власть имущих, господа! – Кауфман поглядел на свою свиту с торжеством.

И уже на следующий день Карл фон Ландсберг, причисленный к 7-й Саперной роте, самостоятельно старательно пришивал к мундиру и белой форменной полевой рубашке погоны прапорщика. А потом написал письмо домой:

«Дорогой Генрих, волею Божией я закончил школу вольноопределяющихся. Сумма набранных мною баллов за успеваемость и экзамены удержала меня в первой пятерке моих товарищей, которые готовятся нынче к экзамену на первый чин гвардейского офицера. Это будет происходить на военных сборах, в православный праздник Преображения Господня, т. е. 6 августа. Сборы всех петербургских юнкеров проходят в Красном Селе, в присутствии и с благословения Государя Императора. После экзамена всем будет выдано по 400 руб. подъемных и предоставлен 28-дневный отпуск.

Тем не менее, следуя твоим советам и пожеланиям, я решил не сдавать экзаменов на офицерский чин, т. к. служба в столичном гарнизоне, тем более в гвардейских частях не подходит для недостаточно обеспеченных господ-дворян. Из рассказов офицеров, которые являются нашими отделенными командирами, я уяснил, что жалованье в первые годы службы составляет у них 39 руб. 75 коп., между тем как постройка одного парадного мундира обходится здесь у хорошего портного в 90 руб. Гвардейцам же, дежурящим в резиденциях Государя Императора и посещающим рекомендованные балы, таких мундиров в год нужно не менее трех. Весьма обременительны и текущие расходы, размер которых настолько велик, что мно-

гие господа офицеры ужинают через день, причем в эти благословенные дни часто вынуждены довольствоваться французской булкой и чаем.

Для наглядности опишу тебе, любезный брат Генрих, частичные расходы моего командира – который не пьет вина, не тратит деньги на табак и не играет. Офицер платит взносы в библиотеку, в офицерское собрание, на аптеку и ремонт одежды 35 коп. в месяц. Кроме этого, обязателен взнос в заемный капитал, 7 руб. полковому портному, в собрание за обеды 9 руб., в полковую лавку за чай, сахар, ваксу, керосин, бумагу – 7 рублей. Платить надо прачке (2 руб.), а кроме этого, надо платить за товарищеские обеды, по подписке на Пасху, на рождественскую елку, на всякие полковые праздники (1 р. 50 коп.). Много средств отнимают любительские спектакли, газеты и журналы, белье, баня. И прочая, и прочая, и прочая... Дефицит средств, по уверению господ офицеров, достигает 8 – 10 рублей даже в провинции. Что же касается службы в столице, то здесь дефицит еще больше.

Таким образом, Генрих, я не чувствую себя вправе отнимать у нашего семейства 20 и более рублей ежемесячно, не считая непредвиденных расходов. Благодарение Богу, мне удалось получить аудиенцию у генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, который хорошо помнит как нашего отца, так и все семейство. Результатом аудиенции стало то, что я получил вакансию прапорщика в саперной команде и отправляюсь с нею в Туркестанский край. Поскольку там невыносимые человеческие условия из-за жары, а также подразумевается участие в боевых действиях против диких орд азиатов, то одно жалованье мое там будет выше, чем в столичном полку у командира полка.

По этой же причине я не приеду нынче в отпуск. Передай мамушке и сестрам мой горячий привет. Обнимаю – Карл.

Р. С. Прапорщик Карл фон Ландсберг – каково звучит, а?»

Седьмой саперной роте, направляемой в Туркестан, предстоял долгий путь – сначала по железной дороге до Волги, потом пароходом до самого Каспия. И лишь оттуда рота боевым маршем должна была пересечь бескрайние пески пустыни по пути в таинственный и далекий Ташкент.

Глава третья. Императорские думки

Министры встретились в Малой приемной Зимнего дворца во вторник, 10 июня 1979 года, около 10 часов утра. Для главного начальника III Отделения Собственной его Императорского величества канцелярии и шефа Жандармского корпуса Александра Романовича Дрентельна, а также для министра внутренних дел тайного советника Льва Саввича Макова этот визит был обыденным: они практически еженедельно приезжали в императорский дворец с докладами о состоянии порученных им дел. Увидев в приемной прибывшего чуть раньше статского главу министерства юстиции, оба вежливо удивились: царские аудиенции для действительного тайного советника Дмитрия Николаевича Набокова были весьма нечасты. Явно нервничал и сам Набоков.

Министры сердечно раскланялись, и все трое едва ли не одновременно бросили взгляд на монументальные часы: до высочайшей аудиенции оставалось несколько минут.

– Вы-то какими судьбами здесь, Дмитрий Николаевич? – пожимая министру юстиции руку, Дрентельн чуть задержал рукопожатие, и, пытливо глядя в глаза, поинтересовался. – Вам назначено или сами пришли?

– Здравствуйте, Александр Романович. Мое почтение, Лев Саввич! Явился-то своей волею. Ну а поскольку дело касается арестованного злодея, то адъютант его величества порекомендовал аудиенцию у государя вместе с вами.

– Что за дело? – немедленно прищурился Дрентельн, улыбаясь при этом одними губами. – Уж не по части ли господ революционеров? Неужто и в ваши владения, Дмитрий Николаевич, проникла сия зараза?

Набоков чуть заметно поморщился: шеф жандармов явно намекал на недавнее скандальное оправдание присяжными в судебном процессе террористки Веры Засулич. Дрянная девчонка! Узнала, мерзавка, что петербургский генерал-губернатор приказал дать розог политическому арестанту, приехала в столицу и пыталась убить Трепова из револьвера, прямо во время аудиенции. Набоков прекрасно помнил, что Дрентельн после того конфуза настоятельно рекомендовал предать Засулич суду Особого присутствия, упирая на то, что покушение произведено против генерала от инфантерии. Однако Набоков, не сомневаясь в обвинительном приговоре, полагал, что суд присяжных, представляющих все сословия народонаселения, будет иметь значительно более весомый воспитательный эффект. К тому же существовала возможность правильного подбора большинства присяжных, и недопущения попадания в их число людей с новыми идеями и благоглупостями. Но – пути Господни неисповедимы! – негодяйке Засулич и ее ловкому поверенному Александрову удалось то, что казалось немыслимым! Присяжные оправдали террористку вчистую – под бурные овации всего зала суда, куда «нигилистам» и смутьянам, казалось бы, даже хода не было. Нонсенс!

Освобожденную тогда прямо в зале суда Засулич вынесли из помещения на руках не допущенных в зал студентов и прочего разночинного элемента. Толпа понесла негодяйку по улице. Полиция и казаки попытались рассеять сию стихийную демонстрацию – и произошли столкновения, пролилась кровь. Сама же виновница «торжества» скрылась.

О возмутительном происшествии, разумеется, доложили депешей государю, возвращавшемуся в конце мая в Петербург из Ливадии, где Александр II пытался отдохнуть и рассеяться после последнего покушения на него самого. И здесь Набоков дал маху, просидев, ожидая государя, в Петербурге. Не учел, что хитромудрый царедворец Дрентельн не будет ждать императора в столице, а выедет ему навстречу. Таким образом, министр юстиции упустил возможность лично изложить монарху объективную версию случившегося и принести полагающиеся оправдания. Александр, уже встретившийся с шефом Жандармского корпуса, принял Набо-

кова весьма холодно, слушал с досадой и остался убежденным в том, что его министр юстиции оказался политически недалеким человеком.

Председатель же Петербургского окружного суда Анатолий Федорович Кони, коему после подобного конфуза следовало бы немедленно подать в отставку, категорично и дерзко отказывался это сделать каждый раз, как он, министр юстиции, заводил об этом разговор. Более того: он дал понять Набокову, что если нажим на него не ослабнет, то ему ничего не останется делать, как искать защиты у государя, повелением которого в России и была проведена судебная реформа, введен европейский суд присяжных и т. д.

Словом, нынче шеф жандармов торжествовал победу и считал излишним скрывать это. Вот и сейчас он с улыбочкой на одутловатом лице задавал Набокову участливые по форме вопросы, а тот делал вид, что не замечает издевки и своей раздраженности старался не показывать.

– Нет, Александр Романович, арестованный полицией убийца совершил уголовное преступление и к политике никакого отношения не имеет, не извольте беспокоиться! И на извозчике за ним самолично гоняться не было нужды, – не удержавшись, все же подпустил яду Набоков, намекая на обстоятельства недавнего, мартовского, покушения на своего собеседника, главы всесильного III Отделения. – Я слышал, кстати, что ваши молодчики при поддержке полиции до шестидесяти обысков и облав за ночь производили? Да только честному люду от такого усердия беспокойства больше вышло, чем революционерам, наверное. Да и полиции хлопотно...

Тучный шеф Жандармского корпуса намек понял и тяжело задышал. Шея в тесном воротнике мундира опасно побагровела.

Дрентельн, получивший свое назначение чуть меньше года назад, рьяно взялся за революционеров и бунтовщиков и неоднократно докладывал императору о том, что с помощью завербованной жандармами агентуры он контролирует почти все тайные общества и организации Северной столицы империи. Однако в январе нынешнего, 1879 года, прозвучали выстрелы Веры Засулич, город наводнили мерзкими прокламациями, а в марте грозный Дрентельн и сам стал объектом покушения нигилистов.

Тогда, 13 марта, генерал-адъютант Дрентельн вскоре после полудня выехал в карете на заседание Кабинета Министров. Ехал он своим привычным маршрутом. Когда экипаж катился вдоль Лебяжьего канала, какой-то всадник догнал его и выстрелил из револьвера в окно кареты. Опешивший кучер осадил лошадей, а всадник развернулся, подскочил к карете, произвел еще один выстрел и умчался.

Дрентельна, к счастью, пули миновали. Отчаянно матерясь и грозя кучеру Сибирью, генерал-адъютант велел ему разворачиваться и гнать за террористом. Однако время было упущено, и всадник скрылся. Попетляв наудачу по набережной, Самборскому переулку и Шпалерной улице, Дрентельн наткнулся в конце концов на растерянного городского Мухаметова, державшего под уздцы взмыленную верховую лошадь. Сам ездок-революционер, упавший, по словам городского, вместе с поскользнувшейся лошадью, пешком дохромал до ближайшего извозчика и на нем скрылся.

Разъяренный дерзостью преступника и своей неудачной погоней, шеф жандармов поднял на ноги всю петербургскую полицию, весь свой корпус. Подобного размаха сыска Северная столица России доселе не знала!

Найденный вскоре извозчик показал, что седок доехал до табачной лавки Терентьева на Захарьевской улице. Лавочник подробно описал визитера, удалось найти и привратника, видевшего, как преступник из лавки направился к Таврическому саду и при этом сильно хромал.

Руководствуясь этой главной приметой, полиция и жандармы с помощью дворников в течение суток переловили в Петербурге всех хромых и калек, включая немощных стариков. По

горячке были схвачены даже две торговки с Сенного рынка. Участки и полицейские части были переполнены задержанными. Сыщики по несколько раз обошли все больницы, аптеки и частнопрактикующих докторов. По первому подозрению полиция врывается в дома, устраивала повальные обыски, щедро раздавая зуботычины попадавшимся под руки мешчанам и прислуге.

Последнее, как ни странно, помогло напасть на след доктора Левензона, у которого дворником в середине марта был замечен подозрительный пациент. В тот злополучный день, 13 марта, пациента дворник не видел, но был послан доктором в аптеку за льдом, коим, как известно, пользуют ушибы и вывихи конечностей. Левензона, разумеется, арестовали, привезли в участок и с пристрастием допросили. Впрочем, личность своего знакомого Левензон и не пытался скрыть. Его пациентом оказался недоучившийся студент Леон Мирский, позже схваченный в Киеве и опознанный генерал-адъютантом Дрентельном, его кучером, лавочником-табашником и привратником дома № 3 по Захарьевской улице как террорист.

Мирский был немедленно брошен в одиночку Петропавловской крепости и вскоре приговорен к смертной казни. Впрочем, временный генерал-губернатор Петербурга после приговора суда помиловал студента, заменив ему казнь каторгой. Дрентельн был чрезвычайно этим возмущен и пожаловался возвращавшемуся из Ливадии Александру.

Сейчас же, услышав про уголовного преступника, почему-то ставшего предметом высочайшей аудиенции, Дрентельн немало удивился и заподозрил, что Набоков говорит не все. Подавив гнев от ехидного намека министра юстиции, Дрентельн улыбнулся:

– Кто таков этот уголовник? – поинтересовался он.

– Некий Ландсберг, отставной теперь уже офицер.

– А-а, двойное убийство в Гродненском, если не ошибаюсь, переулке? – закивал министр внутренних дел, ведавший в Российской империи всеми полицейскими силами и тюрьмами. – Помню, помню, мой Путилин его и разыскал! Но – Бога ради простите, Дмитрий Николаевич, проклятое любопытство: при чем тут государь? Прилично ли его величеству знать досконально всех убийц империи?

– Всех, безусловно, не стоит, – сухо прервал Макова министр юстиции. – Но этот Ландсберг, во-первых, имел несчастье быть приписанным к лейб-гвардии Саперному батальону, особо выделяемому, как вы, вероятно, знаете, его императорским величеством. Во-вторых, признавшись в преступлении, он письменно оправдывает его причинами, имеющими прямое касательство к высочайшим особам. И, наконец, главную причину своего преступления Ландсберг дерзко связывает с некоей особой, дочерью человека, которого государь император любит и весьма к нему благоволит. К тому же эта особа входит в число близко приближенных к государыне императрице. Став достоянием гласности, все эти обстоятельства и мотивы бросят тень на людей, которые дороги государю.

– Да если еще какой-нибудь пейсатый жиденок из ваших присяжных поверенных на суде начнет опять красноречиво врать – беда! – с сочувственным видом кивнул шеф жандармов, сделав-таки акцент на «ваших» и «опять». – У меня в отделении с такими господами, как ваш Ландсберг, разговор короток. Всякие случаются, знаете ли, обстоятельства: сопротивление окажут, бывает. Или побег замыслил... Нервы у людей моих не железные – бывает, стреляют наповал. Хоть и наказываю за это, конечно, строго – но по большому счету, господа, так-то оно вернее, чем туры на колесах разводить.

Дрентельн, в прошлом боевой офицер, за время службы в III Отделении люто возненавидел евреев и прочих инородцев, в первую голову – малороссов и поляков. Так уж сложилось, что именно их имена преобладали в списках известных разыскиваемых бомбистов и революционеров. Социалисту с русской фамилией, попавшему в руки жандармов, еще можно было рассчитывать на тщательный разбор его дела. Но если задержанным был еврей, украинец или поляк, то шеф Жандармского корпуса даже не утруждал себя разбирательством.

– Хвалиться тут, по моему разумению, нечем! – сухо отвечивал Набоков. – Все-то наша тайная канцелярия знает, всю «нигилятину» на учете держит, а государь император, тем временем, вынужден отказаться от привычных и полезных для здоровья пеших прогулок. Среда бела дня бомбы кидают, стреляют... Вы не находите этот нонсенс несколько странным, Александр Романович? Все все знают, а террористы в ус не дуют!

При этих словах дежурный офицер, молча работавший с бумагами за столом в углу приемной, и до сей поры словно не замечавший министров, поднял голову и внимательно посмотрел на багроволицего генерал-адъютанта. Ему показалось, что обмен репликами между Набоковым и Дрентельном грозит с минуты на минуту вылиться в элементарную перепалку, скандал. Понял это и Маков, поспешивший отвлечь министра юстиции от опасной темы и быстро и невпопад заговоривший о последней своей удачной утиной охоте.

В этот момент часы в приемной захрипели, защелкали, и с первым глухим ударом в дверях кабинета возник адъютант императора Каверин.

– Государь император ждет вас с докладом, – он поочередно глянул на Макова и Дрентельна и легко кивнул Набокову. – Вас же он примет тотчас после этого.

* * *

Своих министров Александр II всегда принимал стоя: он предпочитал, чтобы глаза собеседника были на одном уровне с его глазами. Его монарший отец, Николай I во время аудиенции обычно сидел, и наследника престола всегда поражало умение родителя при этом глядеть в глаза придворных, не задирая неприлично голову. Сам он полагал, что подобное умение ему не свойственно – или свойственно в гораздо меньшей, чем полагается монарху, степени, и выработал свою традицию проведения аудиенций стоя.

Крышка столика, служившая государю опорой, размером едва превышала обеденную тарелку. Опершись об нее кончиками пальцев одной руки, Александр оставлял вторую свободной для чтения бумаг, которые – тоже в отличие от отца – никогда не подписывал в присутствии посетителей.

В то утро, отпустив всех трех министров, император отошел к окну и, заложив руки за спину, долго покачивался с носка на пятку, словно не замечая периодического деликатного покашливания появлявшихся в кабинете дежурных адъютантов. Император глядел из окна на движущиеся далекие фигурки людей большими, чуть навывкате глазами уставшего от жизни человека.

Невеселы были в этот час мысли императора. С детской обидой он вновь и вновь размышлял о превратностях судьбы, о людской глупости и неблагодарности.

Он дал России много больше, чем его отец и дед вместе взятые. Миллионы крестьян его монаршей волей перестали быть крепостными. Он дал им свободу – и где же их благодарность? Они не желают видеть разницу между свободой от помещиков и свободой от исполнения законов! Они платят своему государю за его заботу бунтами, поджогами и самовольными захватами земли. Он, Александр II, дал им возможность заниматься мирным хлебопашеством – а они тысячами бегут из деревень в города и норовят осесть в столице империи. Режут глотки, крадут, грабят – пусть с голоду, но ведь режут! Для чего еще эта тупая темная злая масса рвется в большие города – не пахать же, не сеять, не коров здесь пасти! Министр Маков уверяет, что четыре из каждых пяти совершаемых в Петербурге преступлений – на совести вчерашнего крестьянского сословия, и у него, императора, нет причин не верить этому.

А студенческая молодежь – это будущее великой России! Боже, спаси Россию от такого будущего! Бунтуют, твердят о конституции и парламентаризме, оскорбляют своих преподавателей в университетах, ругают власти предрежащие. Кто не дает им трудолюбиво учиться с тем,

чтобы впоследствии столь же усердно трудиться во благо России?! Уж не он ли, Александр? Тот, которого справедливо называют царем-реформатором?

Он, самодержец, отменил телесные наказания в армии и в тюрьмах – но этих тюрем становится все больше, ибо прежние не могут вместить всех совершающих преступления.

На кого он может сегодня положиться? Император – в который уж раз! – с горечью припомнил, что все покушавшиеся на его жизнь считали себя интеллигентами. Позвольте: а кто спасал своего государя? От недоучившегося студента Казакова – петербургский мастеровой-картузник Осип Комиссаров. Коллежскому регистратору Соловьеву не дала как следует прицелиться в государя простая баба-молочница, ударила злодея своим бидоном по руке, свалила и принялась бить, кусать и царапать цареву обидчика.

Даже в офицерских полках все чаще стали находить очаги революционной заразы, сочувствия к бредовым идеям «освобождения России». От чего, от чего все эти господа хотят освободиться?!

Даже женское сословие России – те самые евины потомки, которым сам Бог предназначал кротость и милосердие, – словно сдурели. Девицы вырядились в бесстыдно короткие юбки, коротко отстригли волосы, вставили в зубы папиросы – и взялись сначала за крамольные речи, а нынче уж за револьверы и бомбы.

От обиды на столь массовую и каждодневную неблагодарность подданных у Александра навернулись на глаза слезы. Он сморгнул, и две слезинки прочертив на его щеках мокрые полосы, исчезли в густых усах. Император не стыдился своих слез. Будучи по натуре человеком сентиментальным, он, несмотря на преклонный уже возраст, оставался по-детски обидчивым. Во время турецкой кампании, на передовой, он не стеснялся плакать над умирающими в госпитальных палатках под осажденной Плевной солдатами. Рыдал над гробом отца, даже над трупом любимого сеттера, случаем попавшего под колесо его же коляски, не сдержался от слез.

Став императором, Александр и жил-то, собственно, от покушения к покушению. И хотя к смерти, как уверяют, привыкнуть нельзя, сама мысль о ней никогда не вызывала у этого самодержца ни панического страха, ни боязни в одночасье и преждевременно уйти в небытие. Несмотря на горький опыт, Александр до последнего покушения на него не отказывался от пеших прогулок, к которым привык с молодости. Его умоляли поберегаться близкие, члены семьи, личная охрана, министры, европейские государи... Император, как правило, вежливо выслушивал советы и упрямо качал головой.

– Что толку замуровывать себя в четырех стенах и бояться высунуть нос из дворца? – обычно возражал он. – Если мне суждено умереть, то это может произойти где угодно.

В чем-то Александр был прав. Дважды смерть поджидала его даже в собственном дворце. Годом позже два пуда динамита взорвал революционер Желябов в своем подвальчике в Зимнем, где он плотничал.

Второй раз смерть притаилась в шкатулке, где обычно держали лекарства государя: вместо порошков и пилюль чьи-то руки уложили туда чуть не фунт динамита. Бомба должна была сработать при открывании крышки. Однако в день появления шкатулки Александр отказался от приема лекарств. Да и сама бомба не сработала, когда дворцовый провизор Фрунтель в очередной раз решил проверить комплектность царской аптечки. Эта история, в отличие от желябовской диверсии, была замята, осталась неизвестной для многих членов императорской семьи и целого круга ближайших придворных.

И при чем же тут, спрашивается, пешие прогулки?!

«Бог меня спасает, ибо любит меня, – утверждал Александр в ответ на многочисленные увещания и призывы к благоразумию. – Бог отмерил мне точно известные ему годы моей жизни, и не допустит преждевременного сокращения оных».

– А ты разве знаешь, сколько тебе отмерил Господь? – часто спрашивала Александра его возлюбленная, Екатерина Долгорукая.

– Я узнаю об этом в положенный час, – серьезно отвечал император и, отворачиваясь, незаметно смагивал непрошеную слезу, вызванную, впрочем, не боязнью смерти, а благоговением перед неисповедимостью мудрости Господней.

Его отец, император Николай I, слез своих детей, и в первую очередь слез Наследника, терпеть не мог. Он сердился на Александра за это, выговаривал ему, поддразнивал. Будущий император видел слезы на глазах своего несгибаемого, казалось бы, отца лишь однажды.

* * *

...Это было в день восстания на Сенатской площади, когда Александру еще не исполнилось и восьми лет. Там, на площади, стояли офицерские полки, там решалась судьба России. Император Николай I, самолично, путаясь в пуговицах, надел на маленького Наследника искусно пошитый гусарский мундирчик и по длинной широкой лестнице снес его на руках во двор, где стояли ряды оставшегося верным ему лейб-гвардии Саперного батальона.

– Саперы! Гвардейцы! Дети мои, я доверю вам самое дорогое, что у меня есть, – голос императора предательски сорвался, когда он передавал в руки солдат Наследника.

Строй саперов рассыпался, наследника бережно передавали из рук в руки, пока он не очутился далеко от отца, в самой гуще солдатских шинелей, усатых и обветренных физиономий, многие из которых несли следы французских клинков и шрапнели. Маленькому Александру стало страшно, и он заплакал в голос. Тогда в толпе гвардейцев – не строе, а уже толпе – возник грозный ропот. Словно подстегнутые волнением государя и слезами его первенца, саперы загомонили:

– Не выдадим, государь!

Ропот рос, превратился в глухой неразличимый гул, потом в рев сильного зверя, выведенного из умиротворения.

– Животы свои положим!

– Только прикажи, государь! Мы зубами бунтовщиков рвать станем!

– Спасем Наследника и Россию, братцы!

Толпа, сразу ошетинившаяся штыками, редела в едином мрачном экстазе перед кажущейся маленькой фигуркой отца на ступенях. Ей не хватало только слова, жеста – и она ринулась бы на Сенатскую площадь, где были обидчики «надежи-царя» и этого маленького испуганного мальчика...

Батальон ревел, как разбуженный зверь, – яростно и страшно. Чьи-то руки больно прижали Александра к пропахшей потом, водкой, крепким табаком и дымом бивуачных костров шинели. Мальчик с ужасом, прижмурившись, поглядывал на лицо усатого звероподобного фельдфебеля со страшным шрамом через всю щеку и обрубок левого уха. Но его руки были бережны и надежны – и мальчик постепенно успокоился.

Бунт закончился не начавшись.

Но после этого дня Наследник всегда выделял Саперов Гвардейского батальона. Чаше других надевал мундир с его цветами. Чаше заезжал в Красное село, где летом квартировали саперы. Повзрослев, он как-то попытался найти того самого фельдфебеля – но так и не смог отличить его от других нижних чинов. И под Плевной, в своей палатке, Александр всегда укрывался не одеялом, а простой солдатской шинелью, подаренной ему умирающим сапером в первое же посещение государем санитарного городка.

И вот нынче он узнал, что среди его любимых саперов есть, оказывается, и уголовные преступники! Не сегодня узнал, конечно, а неделю назад, когда Зуров и Маков доложили ему о том, кем оказался наделавший в Петербурге много шуму двойной убийца из Гродненского переулочка. Поначалу Александр был оскорблен в лучших своих чувствах, возмущен. Он не

верил тому, что убийцей оказался офицер Саперного батальона, к тому же герой Туркестанских походов и последней Восточной войны. Он требовал тщательнейшего расследования.

Получив от министра внутренних дел исчерпывающие доказательства вины прапорщика Карла фон Ландсберга, император сделал единственное, что могло хоть как-то пощадить честь лейб-гвардии Саперного батальона. По совету дяди, Великого князя Николая Николаевича, он задним числом подписал высочайший Указ об отставке молодого офицера. Теперь судить будут, по крайней мере, не батальон, а отставника...

Сегодня министр юстиции вновь напомнил императору о человеке, которого тот уж был готов безжалостно вычеркнуть из своей памяти. Оказалось, что Ландсберг – не только банальный убийца, лишивший жизни двух человек из корыстных мотивов. Он, как выяснилось, страстно, беззаветно любил девушку, был помолвлен с нею – и совершил убийство из-за глупой жестокой шутки старого отставного чиновника! Он боялся, что его могут разлучить с любимой, и по-солдатски «просто и радикально», не думая о последствиях, «убрал» страшное препятствие из своей жизни, со своего пути.

А потом... Император не мог не посочувствовать этому офицеру. Каково было несчастному Ландсбергу узнать из бумаг убитого, что он жестоко обманывался? Как он сможет жить, уже потеряв любимую и зная, что его страшный враг на самом деле был благодетелем? Власов хотел преподнести сюрприз молодому офицеру – но его глупая шутка обернулась трагедией.

И потом – письменное показание Ландсберга. Его искренняя, в чем император не сомневался, попытка объяснить случившееся. Разве, по большому счету, Ландсберг не прав в своем рассуждении о войне и мирной жизни? На поле боя солдат убивает противника по приказу своих командиров. Почему же в мирной жизни, ради собственного счастья и благополучия, он лишен права расправиться с личным врагом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.